

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

НОЯБРЬ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

НОЯБРЬ, 1910 г.

(См. слѣд. стран.).

НЕБЕСНАЯ ПОПЕЧИТЕЛЬНИЦА.

(Изъ жизни моей матери).

ДѢДА моего по матери, Ивана Николаевича Соковнина, дѣтей было немало, но преимущественно все сыновья; дочь была только одна, но и та скоропостижно скончалась на шестнадцатомъ году, какъ разъ во время приготовленій къ торжественному празднованію ея совершеннолѣтія. Эта смерть повергла дѣда въ такое горе, что въ первое время онъ буквально не находилъ себѣ мѣста и не зналъ, что дѣлать, за что зацѣпиться ему и чувствомъ и мыслью, чтобы какъ-нибудь перенести постигшее его несчастье. Онъ страстно любилъ эту дочь, во-первыхъ, какъ единственную и самую старшую изъ дѣтей, а также и потому, что, по общимъ отзывамъ, она была дѣвочка превосходнаго характера: любящая, ласковая и къ тому же очень умненькая и красивая. Усугубляла, конечно, горе и самая неожиданность смерти, совершенная неподготовленность къ ней; какимъ-то вихремъ налетѣла она и явилась, дѣйствительно, страшнымъ ударомъ грома въ ясную и тихую погоду: готовились къ празднеству, а пришлось хоронить виновницу праздника.

Послѣ смерти этой дочери у дѣдушки родилось еще нѣсколько дѣтей, но все сыновья. Появленіе ихъ на свѣтъ своенравный и вспыльчивый дѣдушка встрѣчалъ не особенно-то привѣтливо. Бывало, по разсказамъ акушерки, только она направится въ кабинетъ дѣда, чтобы сообщить ему о появленіи новаго члена семьи на свѣтъ, какъ онъ, не давъ вымолвить ей слова, впередъ замашетъ руками и закричитъ:

— Знаю, знаю, хоть и не ходите: по голосу слышу, что малый.

И вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія, на свѣтъ явилась дочь — моя мать. Дѣда во время ея появленія на свѣтъ не было дома. Незадолго до этого событія дѣдушка вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство изъ Подольской губ., гдѣ стоялъ съ своимъ полкомъ, въ Орловскую. Бабушка, въ виду того, что старшіе сыновья уже учились въ гимназіи, а меньшого нужно было готовить къ поступленію въ заведеніе, поселилась на зиму въ Орлѣ, а дѣдушка проживалъ частью въ Орлѣ и частью въ своемъ родовомъ имѣніи, находившемся верстахъ въ семидесяти отъ Орла. Вотъ въ это имѣніе и уѣхалъ онъ за нѣсколько дней до разрѣшенія бабушки отъ бремени,—уѣхалъ, можетъ быть, и неумышленно, просто не разсчитавъ времени, когда должно было произойти это событіе, а можетъ быть и не желая слышать обычную и звучавшую для его властнаго права словно какою-то насмѣшкой фразу, что ему еще Богъ далъ сына. Но на этотъ разъ явилась дочь, а не сынъ. Бабушка была въ восторгѣ, что можетъ, наконецъ, обрадовать мужа исполненіемъ его горячаго желанія и поспѣшила извѣстить его о рожденіи дочери. Дѣдушка, при полученіи этого извѣстія, говорятъ, буквально остолбенѣлъ и по привычкѣ, что у него рождались все сыновья, сразу никакъ не могъ усвоить мысли, что у него есть, наконецъ, дочь. Онъ скакалъ изъ деревни съ такою стремительностью, что чуть не загналъ лошадей и, пріѣхавъ, у всѣхъ выбѣгавшихъ къ нему навстрѣчу только спрашивалъ:

— Неужели дочка? Правда ли, что дочка?

— Дочку Господь вамъ далъ, батюшка Иванъ Николаевичъ, дочку,—отвѣчали ему со всѣхъ сторонъ.

Войдя въ спальню бабушки и увидавъ люльку, въ которой лежала новорожденная дочка, дѣдушка разрыдался отъ радости.

Конечно, эту желанную дочку окружили какимъ только возможно было комфортомъ, крестины ея устроены были съ такою пышностью, что о нихъ заговорили въ околоткѣ. Дѣвочку назвали Софіей. Радость дѣда была, дѣйствительно, настолько глубока, что у него, по общимъ отзывамъ, съ появленіемъ этого ребенка на свѣтъ даже рѣзко измѣнился характеръ. Довольно-таки своенравный и обыкновенно вспыльчивый и горячій, способный раздражаться и пылить иногда изъ-за пустяка, теперь онъ сдѣлался подчасъ даже и черезчуръ снисходительнымъ и находился постоянно въ такомъ благодушномъ настроеніи, что разсердить его бывало ужъ нелегко.

Но счастье дѣдушки было непродолжительно. Едва матери моей сравнялось полгода, какъ дѣдушка скончался. Смерть его явилась для семьи совершенной неожиданностью. Онъ пользовался всегда очень хорошимъ здоровьемъ, не боялся никакихъ простудъ, никакихъ спиртныхъ напитковъ никогда не употреблялъ, жизнь

велъ регулярную, но, какъ должно предполагать, у него, вѣроятно, былъ порокъ сердца. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ деревню во время осенней распутицы, при переѣздѣ черезъ плохонькій мостикъ, карета, въ которой ѣхалъ дѣдушка, опрокинулась и онъ упалъ. Паденіе это по внѣшности прошло вполнѣ благополучно, дѣдушка не ушибся и подбѣжавшему помочь ему подняться лакею только пожаловался, что испугался, такъ какъ въ моментъ паденія кареты дремалъ. Но, вѣроятно, при паденіи онъ сильно встряхнулъ свое сердце, ибо на слѣдующій же день у него появились отеки лица и ногъ, а черезъ полторы недѣли его не стало.

Смерть эта явилась, конечно, великимъ несчастьемъ для семьи, но впереди ее ждало еще большее горе.

Бабушка, въ противоположность дѣдушкѣ, никогда не отличалась хорошимъ здоровьемъ; сложенія она была нѣжнаго, хрупкаго и въ легкихъ у нея, должно быть, были какіе-нибудь недочеты, такъ какъ, по словамъ прислуги, она постоянно кашляла и часто страдала отъ лихорадки. При такихъ условіяхъ, неожиданная смерть дѣда не могла не подѣйствовать на нее роковымъ образомъ. Нужно еще сказать, что, кромѣ горя, потери близкаго человѣка и главы семьи, смерть эта поставила бабушку, дотолѣ ни во что не входившую, лицомъ къ лицу со всякими житейскими заботами и матеріальными дѣлами семьи. Средства у дѣдушки были порядочныя, но, будучи ревностнымъ служакой и живя по своимъ служебнымъ обязанностямъ то въ Петербургѣ и Новгородѣ, то въ Каменецъ-Подольскѣ, онъ, по тогдашнимъ путямъ сообщенія, не могъ часто бывать въ своемъ имѣніи и самолично наблюдать за веденіемъ хозяйства; этимъ, конечно, пользовались всякіе приказчики и управители и сами наживались и богатѣли, а барское имѣніе приходило въ упадокъ. Кромѣ того, одинъ изъ братьевъ дѣдушки, завзятый картежникъ, замотался, и его имѣніе должно было быть продано за долги. Не желая, чтобы родовое имѣніе перешло въ чужія руки, дѣдъ оставилъ его за собой, и такимъ образомъ долженъ былъ одновременно и уплачивать долги брата, и выплачивать остававшуюся отъ долговъ часть ему самому и приводить въ порядокъ имѣніе, доставшееся изъ рукъ кутилы-картежника. Дѣло было сложное, а бабушка ровно ничего не понимала не только въ мудреномъ сельскомъ хозяйствѣ, но даже и въ разныхъ денежныхъ дѣлахъ, комбинаціяхъ и оборотахъ. Къ тому же и находилась она здѣсь въ сущности на чужбинѣ и все вокругъ нея, отъ людей и до всякихъ порядковъ, положеній и отношеній, было ново и чуждо, такъ какъ она уроженка была Каменецъ-Подольской губерніи и переѣхала въ Орелъ незадолго до смерти дѣдушки. Подъ воздѣйствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ вмѣстѣ, болѣзнь ея приняла роковой исходъ: у ней образовалась скоротечная чахотка. Бабушка сознавала это, и можно себѣ представить, что должна была чувство-

вать и переживать она въ періодъ своей предсмертной болѣзни. Больше всего ее, конечно, мучала мысль о полномъ сиротствѣ дѣтей. Ихъ оставалось въ живыхъ немного, но всѣ находились въ такомъ возрастѣ, когда тщательное попеченіе и руководство для нихъ были особенно необходимы: старшій сынъ, мальчикъ рѣдкихъ способностей, но весьма своеобразнаго и страннаго характера, переходилъ въ опасный юношескій возрастъ, у младшихъ только обозначались основныя черты характера, и они лишь начинали учиться, а дочь... О, надъ люлькою этой желанной дочери пролито было бабушкою столько слезъ, пережито столько сердечной муки и ужаса! Вѣдь съ нею можно было сдѣлать все, что угодно: она вся еще была во власти людей, ее можно и голодомъ морить, и терзать всячески, и какія только картины не рисовались въ головѣ любящей и умирающей матери. Бабушка невыразимо страдала, а какого-нибудь исхода изъ своего тяжелаго положенія придумать не могла. Она была совершенно одинока: съ ея стороны родныхъ не было ни души, со стороны мужа, не считая двухъ братьевъ-холостяковъ, была только одна сестра, пожилая дѣвушка, жившая безвыѣздно въ своемъ богатѣйшемъ имѣніи, с. Рогнѣдино, Смоленской губерніи; но бабушка ее никогда не видала, и, по общимъ отзывамъ, это былъ ужасный человѣкъ: надменный, сухой, эгоистичный до послѣдней степени. Она всегда открыто чуждалась родныхъ и не стѣснялась выказывать свое неудовольствіе при ихъ посѣщеніяхъ, такъ что въ концѣ концовъ родные совершенно перестали бывать у нея. Такое ея враждебное отношеніе къ родственникамъ основывалось на томъ, что она видѣла въ нихъ своихъ наслѣдниковъ, основаніе весьма странное, но довольно часто встрѣчающееся въ жизни. Конечно, бабушкѣ нечего было и думать обращаться къ подобной особѣ съ просьбой взять на свое попеченіе ея годовалую дочь, да и несомнѣнно, что изъ этого и не вышло бы ничего, и старуха, сама отогнавшая отъ себя родныхъ, тутъ, навѣрное, пустилась бы въ обычную въ такихъ случаяхъ казуистику, что вотъ пока все шло хорошо, такъ она и не нужна была, ее и забыли, а какъ стряслась бѣда,—такъ ей навязываютъ дѣтей и т. п.

Не было у бабушки и такихъ знакомыхъ, къ которымъ можно бы было обратиться съ просьбою о ребенкѣ, или, вѣрнѣе сказать, у нея не было еще въ Орловской губерніи никакихъ знакомыхъ, такъ какъ они лишь недавно перекочевали въ Орелъ и къ тому же бабушка переѣхала въ такомъ положеніи, когда дѣлать визиты было неудобно. Оставались только люди, то-есть крѣпостная прислуга; бабушка и просила ихъ досматривать и не обижать ея малютку-дочь. Но что значила такая просьба? Бабушка легко могла представить себѣ жизнь этихъ людей, вдругъ очутившихся на полной свободѣ и безъ всякаго присмотра, и ужасъ леденилъ ея сердце. Наконецъ, въ одну изъ безсонныхъ ночей она надумалась послать

просить къ себѣ предводителя дворянства, намѣреваясь просить его позаботиться объ участи дѣтей. Утромъ лакей пошелъ къ предводителю, но вернулся съ отвѣтомъ, что предводитель въ Петербургѣ и возвращенія его ждутъ черезъ недѣлю. Уцѣпившись за эту мысль, бабушка, чувствуя, что слабѣетъ, съ тревогой отсчитывала эти дни, но судьба опередила ее, поспѣшивъ отсчитать дни ея жизни. 16 декабря, какъ это нерѣдко бываетъ передъ смертью, бабушка почувствовала себя лучше: появился аппетитъ, не было лихорадочнаго состоянія, кашель стихъ. Больная пріободрилась, надѣясь при такомъ улучшеніи дотянуть до пріѣзда предводителя изъ Петербурга. Но въ ночь наступила развязка. Бабушка поняла, что умираетъ, и приказала разбудить старшихъ дѣтей. Она простилась съ ними, благословила ихъ и, собравъ остатокъ силъ, твердо и убѣдительно дала имъ нѣкоторыя наставленія, но когда очередь дошла до малютки-дочери, на лицѣ ея отразилась мучительная растерянность. Она обвела присутствующихъ глазами и остановила ихъ на мгновеніе на старшемъ сынѣ. Но затѣмъ она съ отчаяніемъ махнула рукой и проговорила: «Ахъ, что ему говорить! Если его не накормятъ, онъ и самъ будетъ сидѣть голодный, и ничего не сумѣетъ сдѣлать!» Очевидно, она хотѣла старшему сыну поручить присмотръ за дочкой, но, зная его странный характеръ, только махнула рукой. Нѣсколько минутъ она пролежала, закрывъ глаза, безъ движенія; окружавшіе напряженно прислушивались къ ея дыханію, не зная, умерла ли она, или впала въ забытье. Но бабушка, очевидно, и тутъ думала свою горькую думу, ибо, спустя нѣсколько минутъ, открыла глаза и проговорила:

— Сонечку и изъ залы икону Божіей Матери!

Эта икона Ѳеодоровской Божіей Матери была фамильной святыней въ родѣ моего дѣда. Обыкновенно она переходила по смерти главы семьи старшему въ родѣ, и дѣду моему, который былъ изъ среднихъ сыновей у родителей своихъ, досталась, выражаясь житейскимъ языкомъ, лишь случайно: старшій его братъ, уѣзжая куда-то далеко и надолго и не желая, чтобы такая святыня оставалась въ пустомъ домѣ, передалъ ее на время своего отсутствія моему дѣду, а затѣмъ почему-то не потребовалъ ее обратно. Такъ икона эта и осталась у него. Вотъ эту-то икону бабушка въ часъ смерти и попросила принести къ ней. Когда икону вынули изъ кіота и поднесли къ ея постели, она, судорожно сцѣпивъ руки и пристально глядя на ликъ Богоматери, проговорила:

— Матерь Божія! Тебѣ, милостивой и всемогущей, вручаю я дочь мою. Будь ей и заступница, и руководительница, и попечительница! Вѣрю, твердо вѣрю, что Ты все можешь!

Мать мою вынули изъ кроватки и поднесли къ бабушкѣ; она благословила ее иконой и велѣла поставить образъ въ изголовьи кроватки и зажечь лампаду.

Спустя часъ съ небольшимъ послѣ этихъ мучительныхъ минутъ прощанія съ дѣтьми, бабушка тихо скончалась.

Кто распоряжался ея похоронами и какъ состоялись онѣ—не знаю; но вскорѣ послѣ ея погребенія вернувшійся изъ Петербурга губернскій предводитель дворянства, узнавъ о ея смерти и о томъ, что передъ смертью она присылала за нимъ, пріѣхалъ въ домъ сиротъ. Конечно, назначили опеку, соблюли всякія формальности, а съ дѣтьми распорядились такъ: мальчиковъ помѣстили въ дворянскій пансіонъ, бывшій при гимназіи, а полуторагодовалую дочь оставили въ родительскомъ домѣ, на попеченіяхъ прислуги: вопіющее дѣло!

Какъ вела себя прислуга, предоставленная самой себѣ и не имѣвшая никакого надзора надъ собой, какова была жизнь малютки, всецѣло находившейся во власти нянекъ, лакеевъ, горничныхъ и тому подобнаго люда,—неизвѣстно. Мать моя не могла, конечно, помнить этой поры своего дѣтства, а разсказамъ прислуги, которая одна только и знала, что творилось въ оставшемся безъ хозяевъ и брошенномъ на ея произволъ домѣ, вѣрить въ данномъ случаѣ, понятно, нельзя. Что же при такихъ условіяхъ ожидало этого ребенка, принадлежавшаго къ старинному дворянскому роду и оставшагося сиротой не гдѣ-нибудь на чужбинѣ, но среди своихъ же единоплеменниковъ, на своей родинѣ?

О, да всего тутъ могло быть, всего—до преступленія включительно. Вѣдь эта, жившая въ городѣ и такимъ образомъ лишенная даже надзора своихъ односельчанъ, лишенная надзора даже старшихъ дѣтей господъ, прислуга могла хоть и прикончить ребенка, если бы ей понадобилось скрыть слѣды своего недосмотра, и все такъ и осталось бы покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но у матери моей была надежная Попечительница. Несомнѣнно, Она съ перваго часа невидимо охраняла ввѣреннаго Ея попеченію ребенка, но въ теченіе нѣкотораго времени видимо Себя не проявляла, предоставляя людямъ сдѣлать то, на что они были способны, какъ бы желая показать всѣмъ, что можетъ ожидать дитя-сироту безъ промышленія о человѣкѣ свыше. Люди сдѣлали свое дѣло, безпомощный ребенокъ брошенъ былъ на произволъ прислуги; время было дѣйствовать Небесной Попечительницѣ. И Она не замедлила проявить Свое премудрое и всемогущее попечительство. Что нужно было прежде всего полуторагодовалой дѣвочкѣ? Тщательный уходъ и попеченіе о ней и самое серьезное нравственное воспитаніе, ибо это былъ возрастъ, когда ребенокъ начиналъ уже смыслить, загоралась его сознательная жизнь, и понятно, какъ было важно вложить въ это время правильныя понятія въ ничѣмъ еще не засоренный и впечатлительный умъ дитяти. Все это и дано было моей матери и дано щедрою рукой, въ лицѣ воспитательницы, дѣйствовавшей не за страхъ людской, но за чуткую и чистую, какъ кристаллъ, совѣсть и нелицемѣрный страхъ Божій.

Въ это время настоятельницей Орловскаго дѣвичьяго монастыря была великая подвижница, благоговѣйно чтимая и донынѣ мѣстнымъ населеніемъ, игуменья Серафима. Происходя изъ древняго дворянскаго рода и будучи дочерью образованнаго и очень богатаго помѣщика Московской губерніи, игуменья Серафима (въ мірѣ — Варвара Михайловна Соковнина) получила въ домѣ родителей своихъ рѣдкое по тѣмъ временамъ образованіе. Достаточно сказать, что она, кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, которыми владѣла въ совершенствѣ, хорошо знала, какъ это видно изъ ея формулярнаго списка, языки итальянскій и англійскій. Одаренную выдающимися качествами ума и сердца, красивую и образованную барышню богатой дворянской семьи, занимавшей вполнѣ опредѣленное и прочное мѣсто въ московскомъ обществѣ, несомнѣнно, ожидало блестящее, въ свѣтскомъ смыслѣ, будущее; но промыслъ Божій судилъ иначе. Говорятъ, что отецъ Варвары Михайловны, наблюдая за ея развитіемъ и поражаясь иногда ея рѣдкими способностями, тактомъ и глубокой вдумчивостью, проявлявшимися въ ней даже въ дѣтскомъ возрастѣ, называлъ ее «гордостью семьи», и дочь оправдала такое опредѣленіе отца, но только на иномъ, несомнѣнно, самомъ высшемъ поприщѣ духовно-нравственнаго совершенствованія, явившись украшеніемъ православнаго русскаго монашества. Біографъ игуменьи Серафимы повѣствуетъ объ этомъ такъ. Едва Варварѣ Михайловнѣ исполнилось 16 лѣтъ, какъ внезапно скончался такъ горячо любившій ее и, въ свою очередь, пламенно любимый ею ея отецъ. Эта унесшая навсегда самое дорогое существо смерть не могла, конечно, не произвести потрясающаго впечатлѣнія на юную душу и нѣжное сердце серьезной и вдумчивой дѣвушки. «Вотъ неизбѣжный конецъ тѣхъ радостей, счастья, благополучій и всего того, что мы называемъ жизнью», говорила Варвара Михайловна. «Нежданный зовъ, дуновеніе смерти—и мгновенный переходъ *туда*. Но туда нужно явиться съ горящимъ свѣтильникомъ, а можно ли поддержать неугасаемый огонь этого свѣтильника, можно ли ежечасно помнить о смерти въ той обстановкѣ, въ той жизни, гдѣ все лишь постоянная суета и крушеніе духа?» Какъ выросшая въ православной семьѣ, Варвара Михайловна знала, конечно, о загробной жизни, но теперь ей приходилось опытомъ проходить то ученіе, которое она доселѣ принимала на вѣру. Промыслъ Божій даетъ такіе уроки всѣмъ намъ, но не всѣ мы принимаемъ ихъ должнымъ образомъ; нѣкоторые изъ насъ всю жизнь относятся ко всему такъ поверхностно, что и не замѣчаютъ ихъ. Но у вдумчивой и привыкшей все анализировать Варвары Михайловны изъ этого урока вытекло логическое слѣдствіе. Вдумываясь все больше и глубже въ постигшее ея семью горе, она пришла къ твердому и вполнѣ уже сознательному убѣжденію, что эта жизнь, могущая прекратиться ежечасно, ежеминутно, имѣющая въ концѣ

только лишь неизбѣжную смерть, не есть настоящая жизнь, что, несомнѣнно, она только извѣстная стадія жизни и въ сущности даже кратковременная, и что поэтому ее и расположить должно такъ, чтобы она служила приготовленіемъ къ иной жизни, которая наступитъ за тою чертой, которая кладетъ предѣлъ этой жизни и которую мы называемъ смертью. Въ чемъ же должно заключаться это приготовленіе? Если въ понятіяхъ людей считается хорошимъ то, что прекрасно, возможно совершенно, и если это совершенство достигается воздѣлываніемъ, культивировкой и разными усовершенствованіями, то, несомнѣнно, и для разумнаго и одареннаго свободной волей и духовными способностями существа истинный смыслъ жизни долженъ заключаться въ самосовершенствованіи, въ приближеніи къ высшему нравственному идеалу. Какъ же устроить свою жизнь такъ, чтобы можно было отдаться такой работѣ, чтобы можно было постоянно слѣдить не только за своими поступками, но и за производителями ихъ—малѣйшими движеніями своего сердца и ума, чтобы ничто извнѣ не врывалось и не мѣшало этой сокровенной работѣ? И Варвара Михайловна неизбѣжно пришла къ тому, къ чему за десятки сотенъ лѣтъ раньше ея приходили люди, искавшіе, подобно ей, исправленія своихъ несовершенствъ, пришла къ тому учрежденію, на которое въ наши дни поднято столько гоненій, но которое не измышлено, не сочинено, а вытекло всецѣло изъ требованій самой природы человѣческой, то-есть къ монашеству.

Но какъ ни юна была Варвара Михайловна, она понимала, что рѣшаться на такой шагъ подъ вліяніемъ извѣстнаго впечатлѣнія (въ данномъ случаѣ горя, причиненнаго смертью отца) и лишь умственныхъ разсужденій нельзя; и у нея хватило силы воли прожить еще цѣлыхъ три года среди той жизни и обстановки, которыя не имѣли уже для нея никакого интереса и смысла и тяготили ее. Она испытывала и провѣряла себя, и въ итогѣ этой провѣрки въ ней созрѣло непоколебимое рѣшеніе уйти въ монастырь. Взглядъ ея на жизнь въ теченіе искуса не измѣнился, стало быть, оставалось лишь слѣдовать ему, а чтобы слѣдовать, опытъ убѣдилъ ее, что всѣ установленія нашего монашества не только мудры и цѣлесообразны, но и безусловно необходимы, ибо они тоже вытекли изъ жизненнаго опыта и глубокаго знанія природы человѣческой. Она убѣдилась, что для того, чтобы достигнуть желаемой цѣли въ предпринимаемомъ ею подвигѣ, необходимо и удаленіе въ то «безбурное жилище», которое поэтъ называетъ «познанія купелью, суетныхъ помысловъ кладбищемъ и новой жизни колыбелью», необходимо и руководство прошедшаго уже опытомъ эту жизнь наставника, необходимо для того, чтобы работа шла, не уклоняясь, по избранному пути, связать шаткую человѣческую волю извѣстными обѣтами, внѣшними установленіями. Но прежде, чѣмъ привести свое

намѣреніе въ исполненіе, Варварѣ Михайловнѣ пришлось вынести жестокую борьбу съ одной стороны съ ея властною и суровою матерью, отъ которой она находилась въ полной зависимости и которая, какъ свѣтская женщина, и слышать не хотѣла о поступленіи своей старшей дочери въ монастырь; а съ другой—съ своимъ собственнымъ сердцемъ, съ чувствомъ любви и жалости къ своимъ младшимъ сестрамъ и братьямъ, которые съ ея уходомъ лишались нѣжной ласки, лишались въ ней своей ходатаицы предъ строгой матерью. Но препятствія эти не могли уже остановить твердую характеромъ дѣвушку, убѣжденно смотрѣвшую на эту временную жизнь, лишь какъ на приготовленіе къ будущей, и для которой всѣ скорби и радости этой жизни имѣли лишь цѣну по ихъ значенію для жизни иной.

И Варвара Михайловна порвала съ міромъ, поступивъ послушницею въ Сѣвскій дѣвичій монастырь, орловской епархіи, пользовавшійся въ тѣ времена доброю славой за жизнь его инокинь. Придя въ обитель, Варвара Михайловна просила игуменью дать ей опытную въ духовной жизни наставницу. Вѣроятно, видя рвеніе юной послушницы къ духовному подвигу, а можетъ быть и соображаясь съ ея происхожденіемъ, игуменья опредѣлила Варвару Михайловну въ келію наиболѣе чтившейся въ ихъ обители, но отличавшейся крайне суровымъ образомъ жизни схимонахини Ксанфіи, происходившей тоже изъ дворянской семьи. Здѣсь началась новая жизнь Варвары Михайловны. Вопреки практикуемому въ монашествѣ правилу постепенности въ обученіи новоначальныхъ монашескому подвигу, Варвара Михайловна сразу круто повернула съ собой, поставивъ себѣ въ образецъ свою духовную мать и стараясь во всемъ подражать ей. Избалованная жизнью въ богатомъ родительскомъ домѣ, невольно изнѣженная этой жизнью и обстановкой, она теперь употребляла самую грубую монашескую пищу, да и то лишь разъ въ сутки, и сухояденіе, выстаивала иногда цѣлыя ночи на молитвѣ, изъ своей кельи выходила только въ церковь, гдѣ для нея и ея духовной матери устроены были особыя закрытыя мѣста такъ называемыя «темнички», въ которыхъ онѣ и выстаивали церковныя службы. Этотъ режимъ жизни Варвара Михайловна неизмѣнно продолжала до самой своей кончины. Будучи уже игуменьей Орловскаго дѣвичьяго монастыря, она также, кромѣ церкви, не выходила никуда изъ кельи, хотя у нея въ дни большихъ праздниковъ бывали всѣ высшія должностныя лица города; не было въ ея кельи ни постели, ни самовара, большую часть ночи она попрежнему проводила въ молитвѣ, а для отдыха садилась въ вольтеровское кресло и здѣсь дремала, не откидываясь на спинку, съ четками въ рукахъ; также и пищу принимала она разъ въ сутки и единственное измѣненіе, которое она вынуждена была сдѣлать въ этомъ отношеніи,—это замѣнить сухояденіе жидкой пищей, такъ какъ желу-

докъ ея совершенно отказался перерабатывать сухую пищу. Обѣдъ ея обыкновенно состоялъ одинъ день изъ грибного кулешика безъ масла, на слѣдующій—грибного борща, также безъ масла, а затѣмъ опять кулеша и т. д. Меню такое не измѣнялось никогда, не исключая даже и праздника Пасхи.

Вотъ въ этой-то высокообразованной подвижницѣ-дворянкѣ мать моя получила первую воспитательницу. Можно ли желать лучшаго для дѣвочки-христіанки, принадлежавшей къ дворянскому роду? Несомнѣнно, такой воспитательницы не могли дать ребенку никакія человѣческія хлопоты, ни средства, ни высота положенія. Подъ руководствомъ такой воспитательницы у дѣвочки одновременно складывалось и истинно христіанское міросозерцаніе, и крѣпко усваивались рафинированныя монашествомъ благородныя традиціи того сословія, къ которому она принадлежала по своему происхожденію.

Случилось это такъ.

Постриженная очень рано (даже съ прибавкою положенныхъ для этого лѣтъ въ формулярѣ) въ схиму, Варвара Михайловна, получившая при постриженіи имя Серафимы, продолжала подвизаться въ Сѣвскомъ монастырѣ до 1821 г. За это время ей суждено было понести тяжелую утрату: скончалась ея духовная мать, схимонахиня Ксанфія. Насколько велика была скорбь матери Серафимы по ея духовной матери, можно судить по тому, что, ведя послѣ принятія схимы совершенно затворническую жизнь, она здѣсь рѣшилась даже отправиться на богомолье въ Ростовъ и только у раки святителя Дмитрія Ростовскаго почувствовала, по ея словамъ, нѣкоторое душевное облегченіе. Узналъ объ этой скорби молодой подвижницы и орловскій преосвященный Іона. Ему извѣстна была подвижническая жизнь Серафимы, но лично онъ не зналъ и никогда не видѣлъ ея. Смерть Ксанфіи побудила участливаго преосвященнаго написать ей утѣшительное письмо. Это письмо послужило началомъ переписки матера Серафимы съ преосвященнымъ Іоною, а переписка открыла владыкѣ высокія духовныя дарованія подвижницы.

Въ это время Орловскій дѣвичій монастырь находился въ большомъ разстройствѣ: игуменья его лежала въ неисцѣлимомъ недугѣ, и должность ея исправляла казначея, особа, какъ должно думать, совершенно неспособная къ административной дѣятельности и слабохарактерная вообще, такъ что въ сущности монастыремъ въ это время правилъ кто хотѣлъ, или, вѣрнѣе, въ немъ всякъ жилъ, какъ хотѣлъ. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи и нравственное, и матеріальное состояніе монастыря было незавидное. Владыка давно уже былъ озабоченъ пріисканіемъ для него игуменьи, но дѣло затруднялось именно такимъ состояніемъ монастыря. Онъ понималъ, что назначить тутъ обыкновенную монахиню

было нельзя; много требовалось здѣсь отъ настоятельницы ума, такта, стойкости характера, чтобы ввести должный строй во внутреннемъ управленіи, вынести нелегкую борьбу со всѣми тѣми, кто привыкъ распоряжаться или отвыкъ повиноваться положенному уставу и начальству. Выборъ преосвященнаго остановился на матери Серафимѣ и указомъ отъ 11 іюля 1821 г. она назначена была игуменьей Орловскаго Введенскаго монастыря.

Какъ смущена была мать Серафима этимъ назначеніемъ, о томъ свидѣтельствуетъ совсѣмъ выходившій изъ ряда поступокъ ея; обыкновенно безпрекословно повиновавшаяся во всемъ своему начальству, здѣсь она обратилась даже къ своей сестрѣ, орловской помѣщицѣ, съ просьбой ходатайствовать предъ владыкою «да мимо идетъ отъ нея чаша сія».

Сестра матери Серафимы поскакала изъ деревни въ Орелъ и предстала преосвященному Іонѣ съ такими словами:

— Изволите ли знать, ваше преосвященство, кого вы избрали въ начальницы Орловскаго монастыря?

— Очень знаю,—отвѣтилъ владыка.

— Но вспомните, владыко, что будущая игуменья на двадцатомъ году вступила въ монастырь, гдѣ въ продолженіе 20 лѣтъ жила совершенно затворницею. Какой же она имѣетъ опытъ и какъ она, упражнявшаяся и искавшая только смиренія и послушанія, можетъ начальствовать надъ 200 сестрами?

— На это есть воля Божія,—возразилъ владыка.—Я никогда не видалъ вашей сестры, знакомъ съ нею по письмамъ и увѣренъ, что она добре управитъ монастыремъ.

— Владыко, она не перенесетъ возложеннаго на нее послушанія и умретъ.

— Пусть и умретъ: въ монашеской жизни первое условіе и главная добродѣтель—послушаніе,—сказалъ владыка.—Вы же съ Богомъ отправляйтесь въ Сѣвскъ и скорѣе привозите намъ новую игуменью. «Ниже вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ и свѣтитъ всѣмъ»,—добавилъ владыка, какъ бы поясняя этими словами основаніе своего избранія [1]).

Такъ состоялось переселеніе матери Серафимы изъ Сѣвска въ Орелъ.

Хотя мать Серафима, какъ я уже говорила, и на игуменствѣ продолжала вести почти тотъ же затворническій образъ жизни, то-есть сама не выходила изъ своей кельи, кромѣ церкви, никуда и даже съ докладами ѣздила къ архіерею отъ ея имени обыкновенно казначея, но принимать у себя она вынуждена была своимъ положеніемъ. Обыкновенно на Пасху и Рождество у нея бывали съ визитами, а

---

[1]) «Жизнеописаніе блаженной памяти игуменьи и схимонахини Серафимы». Г. Пясецкій. Орелъ

на храмовой монастырскій праздникъ и обѣдали всѣ предержащія власти губерніи. И случилось такъ, что вскорѣ послѣ кончины моей бабушки къ игуменьѣ пріѣхалъ на Рождество съ визитомъ орловскій вице-губернаторъ и въ разговорѣ съ ней, между прочимъ, спросилъ ее: не родственница ли ей недавно умершая вдова полковника, Іустина Евстафьевна Соковнина?

Игуменья отвѣтила, что такъ какъ всѣ Соковнины происходятъ отъ одного корня, то, вѣроятно, и умершая приходилась ей по мужу какой-либо родственницей, хотя, должно быть, отдаленной, такъ какъ она совершенно не знаетъ ни ее, ни ея мужа. Затѣмъ она спросила, осталась ли семья отъ умершей.

— Да, два сына, въ возрастѣ 16 и 9 лѣтъ, и совсѣмъ маленькая дочь.

— Бѣдныя дѣти, въ такомъ возрастѣ—и круглыя сироты! На чьемъ же онѣ попеченіи?

— Мальчиковъ помѣстили въ дворянскій пансіонъ при гимназіи, а дѣвочка живетъ въ домѣ родителей.

— Кто же при ней?

— Прислуга. Близкихъ родственниковъ у нихъ, кажется, нѣтъ.

— Какъ прислуга?! Дворянскій ребенокъ на попеченіи крѣпостной прислуги? И въ такомъ возрастѣ? Но это безчеловѣчно.

И на другой же день отъ игуменьи Серафимы полетѣло письмо къ губернскому предводителю дворянства, въ которомъ она требовала, чтобы дѣвочка-сирота немедленно же была бы привезена къ ней. Въ какихъ словахъ выражено было это желаніе и каково вообще было содержаніе этого письма—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно должно было служить тяжкимъ укоромъ всему орловскому дворянству. Схимница и затворница, болѣе всего цѣнившая и искавшая уединенія и нарушавшая его лишь въ силу послушанія начальству, поставившему ее на постъ игуменьи, не задумалась взять на воспитаніе свѣтскую дѣвочку, тогда какъ среди дворянъ не нашлось ни одной семьи, которая сочла бы своимъ долгомъ пріютить у себя ребенка своего же сословія и въ матеріальномъ отношеніи ничѣмъ такую семью не обременявшаго.

На слѣдующій же день мать моя привезена была самимъ губернскимъ предводителемъ дворянства къ игуменьѣ Серафимѣ и осталась у нея.

Съ какимъ-то особеннымъ свѣтлымъ чувствомъ всегда вспоминала мать эту жизнь въ кельяхъ игуменьи-подвижницы. Помимо того, что въ матеріальномъ отношеніи она обставлена была наилучшимъ образомъ, самая духовная атмосфера этихъ келій была, вѣроятно, слишкомъ отрадна для чистой дѣтской души.

Думаю, читатели съ недоумѣніемъ или недовѣріемъ прочли мои слова, что лучшей воспитательницы, какъ эта игуменья-подвижница, нельзя было и желать для ребенка. Предполагаемое мною

недоумѣніе можетъ проистекать изъ того, что у насъ вообще плохо знаютъ истинное монашество. Обыкновенно съ именемъ «подвижникъ», «подвижница» соединяется представленіе чего-то суроваго, сухого, односторонняго, какой-то строгой муштровки, навязыванія пессимизма и проч. Отвѣтомъ на такое мнѣніе лучше всего можетъ служить образъ игуменьи Серафимы. Признавая, что всякій подвигъ можетъ имѣть цѣну только тогда, когда въ немъ участвуетъ свободная воля человѣка, мать Серафима никогда, напримѣръ, никого не склоняла къ монашеству, и даже, если ей заявляли о такомъ желаніи, считала своимъ долгомъ указать на трудности этого пути и давала время для размышленія и самоиспытанія. Отъ принявшихъ уже постриженіе она, само собою разумѣется, требовала строгаго исполненія данныхъ ими обѣтовъ и монашескаго устава; но и здѣсь нерѣдко случалось такъ, что иногда за меньшую вину она назначала какое-либо наказаніе, а большій проступокъ иной разъ прощался ею сразу. Зная подвижническую справедливость и безпристрастіе своей игуменьи, монахини понимали, что и тутъ ихъ судія и наставница обращала главное вниманіе на душевное расположеніе лица, совершившаго проступокъ, почему иногда и малая по внѣшности провинность пріобрѣтала значеніе настоящаго грѣха, тогда какъ большая являлась лишь проявленіемъ человѣческой немощи или простой необдуманности, неосмотрительности. Исходя изъ того же сознанія о значеніи подвига лишь при участіи воли человѣка, мать Серафима, будучи сама рѣдкой въ наши времена постницей, постоянно заботилась, чтобы всѣ въ ея кельи были сыты, чтобы столъ былъ хорошій, но правила монашескаго устава не нарушались никогда и ни для кого, такъ что мать моя до самаго поступленія своего въ институтъ не знала вкуса мяса. Такъ какъ съ затворомъ неразрывно соединяется и подвигъ молчальничества, то мать Серафима, сохраняя по возможности и на игуменствѣ свой прежній образъ жизни, говорила вообще очень мало, именно столько, сколько требовало дѣло; мало говорила она и съ моею матерью, но сколько, должно быть, было теплоты, сердечности въ ея немногихъ словахъ, если она внушила ребенку такое чувство къ себѣ, что, проживъ цѣлую жизнь, мать моя передъ смертью на вопросъ: кого желала бы она больше всего видѣть *тамъ*?— первою назвала матушку игуменью. А у нея были уже *тамъ* и долго оплакивавшійся ею сынъ, и горячо любимый мужъ, и родители, которыхъ она хотя и не помнила, но крѣпко всегда любила. Такъ умѣла мать Серафима соединять строгость съ сердечной теплотой, требовательность съ снисходительностью, и, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ея современники, никогда въ Орловскомъ монастырѣ не было такого хорошаго монашества и въ то же время никогда монашествующимъ не было такъ легко нести свой иноческій подвигъ, какъ при ея управленіи.

Игуменская келья матери Серафимы раздѣлялась на двѣ половины; одну изъ нихъ, состоявшую изъ нѣсколькихъ комнатъ, занимала она сама, а въ другой, приходившейся на нѣсколько ступеней ниже и соединявшейся съ игуменской большой пріемной съ широкой лѣсенкой въ нѣсколько ступеней наподобіе амвона, помѣстили мою мать съ исполнявшей при ней роль бонны-воспитательницы дворянкой Прасковьей Васильевной Зыковой. Дѣтская свобода моей матери ничѣмъ не была стѣснена въ ея аппартаментахъ; она могла тутъ бѣгать, пѣть, играть, какъ угодно, но для нея не было большаго удовольствія, какъ пребывать въ покояхъ игуменьи. Что влекло туда ребенка? Нѣсколько весьма просто обставленныхъ комнатъ, въ которыхъ находилась одна лишь игуменья-подвижница или стоявшая на молитвѣ, или занятая чтеніемъ, или молча отдыхавшая въ креслѣ, и однако ребенка трудно было вызвать оттуда. Разсказываютъ, что, будучи еще совсѣмъ маленькой, она ползкомъ, съ помощью рукъ, взбиралась по ступенямъ лѣсенки къ матушкѣ и случалось, что иногда и засыпала тамъ гдѣ-нибудь на коврѣ. Уединенія матери Серафимы безъ особенной серьезной надобности никто не нарушалъ, но мать мою, какъ ребенка, она, быть можетъ, по слову Спасителя, никогда не отдаляла отъ себя, и даже въ такихъ случаяхъ она приказывала принести и подложить дѣвочкѣ подушку и прикрыть одѣяльцемъ, и такъ и спала она тамъ до утра. Эти ночи въ кельяхъ игуменьи-подвижницы, относившіяся къ тому, конечно, времени, о которомъ мать моя могла уже помнить, служили для нея во всю жизнь самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ. Чарующая прелесть ихъ, несомнѣнно, заключалась въ томъ душевномъ настроеніи, которое овладѣвало дѣвочкой. «Это былъ истинный рай душевный,—обыкновенно, вспоминая, говорила мать.— Бывало проснусь иногда ночью — тишина невозмутимая, все безмолвствуетъ и спитъ вокругъ, и только въ углу передъ образами вырисовывается при свѣтѣ лампады и горящей въ рукѣ восковой свѣчи фигура матушки; и я не шелохнусь, замру, прислушиваясь къ какому-то восторженному сладкому трепетанію своего дѣтскаго сердца и боюсь, чтобы что-нибудь извнѣ не разсѣяло моего душевнаго состоянія. Случалось иногда, что и у меня являлось желаніе молиться вмѣстѣ съ матушкой; я вставала, подходила и становилась рядомъ съ ней на молитву. Замѣтивъ мое присутствіе, матушка начинала читать молитвы вполголоса, такъ, чтобы я могла слышать. Я молилась, сколько хотѣлось, а затѣмъ опять отправлялась къ моей импровизированной постели, укладывалась и засыпала безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ».

Какихъ-нибудь длинныхъ внушеній, нравоученій мать Серафима никогда не дѣлала своей воспитанницѣ, нравственное воспитаніе ея шло совершенно незамѣтно и «монашескаго» давленія на нее никто не оказывалъ. Даже въ отношеніи молитвы дѣлалось такъ,

какъ это практиковалось въ тѣ времена во всѣхъ свѣтскихъ домахъ. Мать должна была утромъ и вечеромъ молиться Богу, но иногда случалось, что, набѣгавшись, она засыпала вечеромъ, не вычитавъ положенныхъ молитвъ; ее въ такихъ случаяхъ будили, заставляли перекреститься и перекрестить свою постельку и, раздѣвъ, укладывали спать, и только Прасковьѣ Васильевнѣ напоминали, чтобы она слѣдила и заставляла ребенка молиться, пока умъ его былъ еще въ бодрственномъ состоянiи. По праздникамъ мать ходила въ церковь, но иногда у нея являлось желанiе итти и въ будни къ обѣднѣ. Вернувшись изъ церкви и напившись чаю, она шла по обыкновенiю къ матери игуменьѣ.

— Въ церкви была?—задавала та короткiй вопросъ.

— Да, была,—отвѣчала дѣвочка.

И этимъ все кончалось, ни слова одобренiя и похвалы, несомнѣнно, изъ боязни, чтобы не вкралось и малѣйшая тѣнь фальши въ отношенiяхъ ребенка къ Богу.

За все время пребыванiя своего въ монастырѣ мать моя наказана была только разъ за такую продѣлку.

У нихъ въ кельѣ жила маленькая монашка клирошанка, бывшая почти однихъ лѣтъ съ матерью. Матери моей, по дѣтскому обезьянству, очень хотѣлось, чтобы и ее одѣли въ черное (т.-е. въ монашескiй костюмъ); и вотъ, проснувшись однажды утромъ и увидавъ, что маленькая монашка спитъ еще въ сосѣдней комнатѣ, мать нарядилась въ ея костюмъ и, пользуясь тѣмъ, что и Прасковья Васильевна спала еще, потихоньку вышла изъ кельи и отправилась въ церковь къ заутренѣ (игуменская келья соединялась съ церковью стеклянной галереей). Такъ какъ она отлично знала всѣ порядки и чиноположенiя монашескiя, то, придя въ церковь, и продѣлала все, какъ подобало: т.-е. помолилась передъ царскими дверьми, поклонилась на обѣ стороны и стала на правый клиросъ, гдѣ было мѣсто маленькой монашки. Въ полумракѣ храма монахини и не замѣтили этого маскарада. Но при пѣнiи: «Слава въ вышнихъ Богу», оба клироса сходятъ на средину храма и затѣмъ, по окончанiи великаго славословiя, вновь расходятся по своимъ клиросамъ, причемъ идутъ по старшинству, то-есть младшiя впереди. И такимъ образомъ, когда мать моя взошла на клиросъ и стала на свое мѣсто, повернувшись при этомъ лицомъ къ возвращавшимся на клиросъ старшимъ, ее, конечно, узнали.

— Сонечка, матушка, тебя одѣли въ черное? Вотъ хорошо-то, вотъ какая у насъ славная монашка!—посыпались на дѣвочку со всѣхъ сторонъ привѣтствiя.

Она была въ восторгѣ.

Не понимая вины въ своемъ самовольномъ поступкѣ, она совершенно довольная и сiяющая возвращалась изъ церкви домой. Вдругъ стукъ въ окно залы: стучала сама мать игуменья. Мать и тутъ

нисколько не смутилась и, какъ была, такъ во всемъ монашескомъ одѣяніи и отправилась къ игуменьѣ, питая еще надежду, что вотъ теперь матушка увидитъ ее въ монашескомъ и, можетъ быть, это ей понравится и она одѣнетъ ее въ черное. Когда мать вошла въ келью, матушка, хотя и не сурово, но, сохраняя вполнѣ серьезный видъ, спросила:

— Кто благословилъ тебя одѣться въ черное?

— Никто. Я сама одѣлась.

— Какъ сама? Но развѣ можно присваивать себѣ чужое званіе? И развѣ монашеское одѣяніе—шутка, что его можно надѣть самовольно всякому, кому вздумается? Ты же знаешь, какъ у меня одѣваютъ въ черное. Эти лица готовятся, говѣютъ и исповѣдаются, одежду ихъ окропляютъ святой водой и затѣмъ съ моего благословенія ихъ одѣваютъ въ монашескія одежды.

Мать тутъ только сообразила, что это дѣйствительно дѣлается такъ и что, стало быть, ея поступокъ совсѣмъ нехорошъ.

— Ну, клади на столъ четки,—проговорила матушка,—и клади теперь поклонъ и говори: «Господи, прости меня, неразумную».

— Теперь клади повязку и проси, чтобы Господь простилъ тебя по твоему дѣтскому неразумію.

Такъ постепенно разоблачили самоиспеченную монашку, пока она осталась въ рубашенкѣ и панталончикахъ.

— Ну, теперь иди съ Богомъ, кушай чай,—проговорила матушка:—но всегда помни, что прежде, чѣмъ сдѣлать что-нибудь, надо обдумать, хорошо ли ты хочешь поступить.

Когда фигура моей матери, только что передъ тѣмъ прослѣдовавшей въ полномъ монашескомъ одѣяніи въ игуменскіе аппартаменты, появилась теперь на лѣсенкѣ въ рубашонкѣ и штанишкахъ, Прасковья Васильевна и старшая келейница не могли удержаться отъ смѣха. Но дѣвочкѣ смѣхъ этотъ показался въ высшей степени неумѣстнымъ и она серьезно замѣтила:

— Смѣяться вовсе нечего, когда человѣкъ согрѣшилъ и оскорбилъ этимъ Бога.

Да, мать Серафима не читала длинныхъ нравоученій своей питомицѣ, но самая ея жизнь, вся окружавшая ребенка атмосфера дѣйствовали сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ поученій на впечатлительную чистую душу дитяти. Кто могъ бы, какіе опекуны и родители, создать и обвѣять душу ребенка такой атмосферой нравственной чистоты, правды, живой вѣры, какъ это дано было сиротѣ—моей матери? Старожиламъ Орла долго была памятна картина, какъ въ праздникъ шествовала въ церковь столь чтимая ими схимница-игуменья и съ нею всегда изящно одѣтая маленькая свѣтская дѣвочка.

— Господи, вотъ счастливый-то ребенокъ,—нерѣдко слышались въ толпѣ слова умилявшихся этой необычной картиной.—Пожа-

луй, и сиротству позавидуешь, лишь бы пожить при такой особѣ, какъ матушка Серафима.

Конечно, обстановка души была важнѣе и выше всего, но пусть не думаетъ читатель, что только въ этомъ одномъ можно было завидовать моей матери. Нѣтъ, попеченіемъ мудрой и сердечной матушки она во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ обставлена была наилучшимъ образомъ. Вотъ предо мною лежитъ письмо незабвенной матушки Серафимы къ ея искреннему другу съ юныхъ дней—княжнѣ Александрѣ Голицыной, въ которомъ, между прочимъ, заключаются слѣдующія строки: «Посылаю тебѣ мѣрочку по которой потрудись, пожалуйста, заказать у m-me (фамиліи не разберу) пальто для Сонечки и шерстяное платьице къ празднику понаряднѣе. Также поищи какую-нибудь игрушку поинтереснѣе, что-нибудь такое, чѣмъ бы дѣвочкѣ можно было заняться. (Куколъ у нея много, но она мало съ ними играетъ)». Да, эта отрекшаяся лично для себя не только отъ міра и всякихъ его радостей и утѣшеній, не только отъ привычнаго ей съ дѣтства комфорта и роскоши, но стѣснившая себя даже въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ природы подвижница заботилась о нарядахъ и игрушкахъ для взятаго ею на свое попеченіе ребенка. Теперь и въ провинціи можно достать все, а въ тѣ времена и въ губернскомъ городѣ, отстоявшемъ такъ недалеко отъ Бѣлокаменной, скудно было насчетъ всего и поэтому для матери моей, кромѣ простыхъ домашнихъ блузочекъ, всѣ наряды выписывались изъ Москвы: выписывались оттуда и игрушки, и конфекты, и книжки, когда она начала учиться, такъ что у нея были, напримѣръ, игрушки, какихъ не имѣли тогда и жившія при родителяхъ дѣти богатыхъ семей. До какихъ мелочей была вдумчива и заботлива матушка Серафима въ исполненіи своего долга относительно взятаго ребенка, можно видѣть хотя бы изъ того, что, помимо всякихъ подарковъ, въ день ангела моей матери обязательно дарилась небольшая сумма денегъ,—дарилась въ той заботѣ, что могли же у дѣвочки быть какія-нибудь свои желанія, которыя она, не имѣя родителей, все-таки могла стѣсняться высказать. Вотъ этими деньгами она и распоряжалась, какъ хотѣла, раздавая ихъ или покупая иногда совсѣмъ ненужныя вещи, и сопровождавшей ее во время этихъ покупокъ Прасковьѣ Васильевнѣ приказано было не стѣснять ребенка. Оберегая достоинство сироты, матушка игуменья причитавшуюся на долю дѣвочки отцовскую пенсію всегда отдавала ходившей за нею Прасковьѣ Васильевнѣ, говоря: «Прасковья Васильевна, получите *отъ Сонечки* ваше жалованье». Всѣ въ келіи, кромѣ Прасковьи Васильевны и самой матушки, звали малютку не иначе, какъ Софія Ивановна, и даже, отдавая какое-нибудь приказаніе насчетъ ребенка келейницѣ, матушка постоянно говорила: «позовите ко мнѣ Софью Ивановну», или «спросите, покушала ли Софія Ивановна».

Когда матери моей исполнилось семь лѣтъ, матушка приказала начать учить ее читать и писать по-русски. Приглашенъ былъ старичокъ-учитель, считавшійся въ городѣ лучшимъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія; изъ Москвы выписаны были книжки въ изящныхъ переплетахъ, съ раскрашенными картинками, но ученье не пошло на ладъ. Книжки куда-то исчезали, тетрадки тоже, увѣщанія педагога и Прасковьи Васильевны, что надо учиться, не дѣйствовали. Матушка игуменья приказала оставить ученье и повременить. Черезъ полгода снова появился учитель и новыя книжки, но повторилось то же. Тогда матушка придумала пріохотить дѣвочку компаніей и соревнованіемъ. Она разрѣшила монахинѣ Магдалинѣ Соколовой, обучавшей чтенію неграмотныхъ послушницъ, взять нѣсколькихъ свѣтскихъ дѣвочекъ для обученія. Хотя мать Магдалина была тоже дворянка, но образованіе ея было, кажется, весьма скромное, и однако, когда въ городѣ узнали, что мать Серафима разрѣшила ей принять нѣсколькихъ мірскихъ дѣвочекъ для обученія, этимъ разрѣшеніемъ поспѣшили воспользоваться самыя видныя по положенію дворянскія семьи. Объяснялось это тѣмъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, какое питало къ игуменьѣ-подвижницѣ мѣстное общество, почитавшее особеннымъ счастьемъ для себя положить начало обученія своихъ дѣтей съ ея благословенія и подъ кровомъ ея обители. Дѣвочекъ разрѣшено было взять не болѣе трехъ-четырехъ, и такимъ образомъ составилась своеобразная школа матери Магдалины изъ дочери предводителя дворянства Тютчевой, двухъ дочерей мѣстныхъ дворянъ—Костомаровой и Рудневой, и моей матери. Нельзя и здѣсь не остановиться на чисто материнской нѣжности игуменьи-подвижницы къ своей питомицѣ. Обыкновенно въ 9 часовъ утра городскихъ учeницъ матушки Магдалины привозили въ монастырь; матери моей нужно было только пересѣчь монастырскую площадку, чтобы добраться до келіи своей учительницы, но мать Серафима заказала хорошенькія саночки съ верхомъ и полостью, въ которыхъ мать мою и возили на урокъ. Правда, лошадей замѣнялъ монастырскій сторожъ Акимъ, но это нисколько не огорчало дѣвочку; Акимъ возилъ шибко и такой былъ добрый и ласковый старикъ, что, пріѣхавъ за дѣвочкой послѣ занятій, бывало еще и покатаетъ ее по всему монастырю. Въ 12 часовъ дѣвочкамъ приносили завтракъ, мать могла, конечно, прибѣжать позавтракать и домой, но чтобы и тутъ не дѣлать разницы, ей, по приказанію матушки, тоже носили завтракъ «въ школу». Трогательны были всѣ эти мелкія заботы великой подвижницы о ребенкѣ. Очевидно, матушка ничего не умѣла дѣлать въ половину: разъ взяла ребенка, то и считала своимъ долгомъ не только сдѣлать для него лишь необходимое, не желала обставить его такъ, чтобы онъ не чувствовалъ совершенно своего сиротства.

Въ теченіе жизни матери моей пришлось немало видѣть искренняго расположенія, уваженія и вниманія отъ людей; все это она

всегда глубоко цѣнила, но ничто не трогало ее такъ, какъ именно эти мелкія заботы о ней ея воспитательницы. Ей ли, уже престарѣлой и больной, постоянно занятой и дѣлами по управленію монастыремъ и главное—своимъ внутреннимъ, сокровеннымъ подвигомъ, заботиться не только о необходимомъ, но и о всякихъ удовольствіяхъ ребенка такъ, какъ не заботятся объ этомъ и другія матери?

Вотъ Сонечка говѣетъ, наступаетъ день пріобщенія св. таинъ; посмотрите, съ какими заботами приготовлено все для маленькой причастницы. Накрытъ столикъ для чаепитія, и чего только нѣтъ на немъ! И хорошенькая новенькая чашечка, и крохотный сливочникъ съ миндальнымъ молокомъ, и нѣсколько маленькихъ баночекъ съ вареньемъ разныхъ сортовъ, и всевозможное домашнее печенье. Въ день ангела малютки матушкѣ, не только не вкушавшей, но и не видѣвшей круглый годъ иныхъ яствъ, кромѣ своего заповѣднаго кулеша и борща безъ масла, обязательно несутъ напоказъ именинный пирогъ, приготовленное пирожное; старшая келейница идетъ отъ ея имени приглашать соученицъ дѣвочки на именины. Такія заботы, несомнѣнно, могло диктовать только самое нѣжное сердце, и тому, кто понимаетъ подвижничество неправильно, пожалуй, трудно и совмѣстить его суровый законъ съ такою сердечною лаской. А между тѣмъ законъ этотъ дѣйствовалъ и тутъ, на ряду съ нѣжной заботливостью. Посмотришь, съ какою легкостью и по какимъ ничтожнымъ причинамъ нарушаются теперь не только мірянами, но даже и монашествующими постановленія поста, а матушка и для ребенка не допускала нарушенія монастырскихъ правилъ: столъ для дѣвочки былъ всегда прекрасный, но готовилось только то, что разрѣшалось ѣсть въ монастырѣ. Оказывая всякую ласку въ нѣжной заботливости, матушка въ обращеніи съ ребенкомъ неизмѣнно держалась разъ установленнаго ею для себя правила обращенія съ людьми: она такъ же мало говорила, такъ же была всегда серьезна и съ такою же серьезностью и вниманіемъ относилась ко всякой дѣтской выходкѣ, надъ которой другіе иной разъ отъ души смѣялись, какъ и къ поступку взрослаго человѣка. «И дѣтская выходка, и поступокъ взрослаго имѣютъ одно и то же исходище, и стадіи проходятъ тѣ же, только обработка ихъ разная», говорила обыкновенно мать Серафима, стараясь и другихъ пріучить относиться глубже и серьезнѣе къ проявленіямъ жизни дѣтской души.

Ученіе моей матери у матери Магдалины пошло отлично; она скоро выучилась хорошо читать и еще лучше писать. У матери Магдалины практиковались и поощренія для старательныхъ ученицъ. Въ чемъ заключались они? Для нынѣшнихъ не въ мѣру «умныхъ и развитыхъ» и не въ мѣру требовательныхъ дѣтей подобныя поощренія, пожалуй, были бы даже смѣшны, но тогда дѣти были дѣтьми, и поощренія матушки-учительницы вполнѣ достигали

своей цѣли. Состояли они, какъ, конечно, и подобало, исключительно изъ какихъ-нибудь скромныхъ монастырскихъ издѣлій. Напримѣръ: читали тогда непремѣнно съ указкой, и вотъ кто читалъ плохо, тому и давали самую плохую указку, кто получше—тому и указка понаряднѣе. То же и съ писаніемъ. Писали тогда исключительно гусиными перьями, и кто начиналъ писать получше, тому давалось перышко съ какимъ-нибудь украшеніемъ изъ канители или крошечными цвѣточками изъ фольги и разноцвѣтнаго воска, а самой высшей наградой было перо въ чехольчикѣ изъ мельчайшаго бисера. Вотъ эту награду и заслужила однажды моя мать. Торжествующая явилась она съ нею домой и, раздѣвшись внизу и сказавъ, чтобы подождали немного съ обѣдомъ, отправилась прямо къ матушкѣ Серафимѣ. За нею послѣдовала и Прасковья Васильевна, недоумѣвая, какое такое неотложное дѣло приспѣло у дѣвочки къ матери игуменьѣ. Войдя въ комнату, мать моя поклонилась матушкѣ и положила предъ нею на столъ перо.

— Что это за перышко?—спросила мать Серафима.

— Это мнѣ дала мать Магдалина за то, что я хорошо писала,—пояснила дѣвочка.

— Ну, слава Богу.

— Отдайте, матушка, это перо въ церковь, отцу Егору миромъ мазать [1]).

Прасковья Васильевна прыснула со смѣху при этихъ словахъ дѣвочки и закрыла ротъ платкомъ, чтобы не разразиться въ присутствіи матушки громкимъ хохотомъ.

Но не такъ приняла поступокъ ребенка мать Серафима. Она встала съ кресла и со словами монашеской благодарности: «спаси, Господи, и помилуй», низко, по-монашески, касаясь пола рукою, поклонилась дѣвочкѣ, благодаря ее, какъ игуменья, за ея первую жертву отъ трудовъ ея на ввѣренный ей монастырь.

Такимъ же низкимъ поклономъ мать Серафима еще разъ поблагодарила свою питомицу, но случилось это уже незадолго до ихъ вѣчной разлуки. Года за полтора до кончины матери Серафимы сгорѣлъ до тла столь благоустроенный ею монастырь. Пока въ Синодѣ тянулся вопросъ, гдѣ возобновлять его: на томъ же ли мѣстѣ, или вынести за городъ, мать Серафима вынуждена была жить на квартирѣ. Однажды, подъ какой-то большой праздникъ, отпустивъ келейницъ въ приходскую церковь ко всенощной, матушка, очень уже слабая и недомогавшая, осталась въ своихъ комнатахъ только съ моею матерью. Вдругъ нашли тучи и разразилась страшная гроза. На матушку это явленіе природы производило всегда

---

[1]) То есть употреблять какъ стручецъ, который въ женскихъ монастыряхъ часто встрѣчается отдѣланный бисеромъ и которымъ священникъ помазуетъ молящихся освященнымъ елеемъ.

удручающее впечатлѣніе; она, какъ многія нервныя особы, боялась грозы и съ нею еще связано было для нея какое-то горькое воспоминаніе. По своей обычной сдержанности она сносила все молча и всегда старалась по возможности не выказывать своихъ и физическихъ, и душевныхъ страданій. Но какъ ни старалась она въ данную минуту скрыть свой страхъ, мать моя все-таки замѣтила ея взволнованное состояніе и догадалась, что его причиняетъ гроза. Придумывая, что предпринять и чѣмъ и какъ успокоить свою дорогую воспитательницу, дѣвочка прибѣгла къ тому средству, которое по обстановкѣ ея жизни и воспитанію было ей сроднѣе всего: она придвинула къ кіоту съ образами стулъ, положила на него толстый молитвословъ и стала читать вслухъ акаѳистъ Спасителю. Сидѣвшая дотолѣ въ креслѣ съ прикрытыми рукою глазами матушка Серафима стала на молитву, и когда дѣвочка окончила акаѳистъ и повернулась, чтобы отнести книгу на мѣсто, она увидѣла, что по лицу матушки текли обильныя слезы.

— Пусть же Самъ Господь утѣшитъ тебя такъ, какъ ты утѣшила меня въ эту минуту. Спаси же тебя, Господи,—проговорила матушка и опять низко, до земли поклонилась дѣвочкѣ и, взявъ обѣими руками ея головку, крѣпко поцѣловала ее въ лобъ.

Хотя ясно обрисовать образъ такой высокой духовной красоты, какъ матушки Серафимы, и очень трудно, ибо такая красота болѣе чувствуется душою, чѣмъ выражается словами, но думаю, что и изъ немногаго, сказаннаго мною, читатель моихъ воспоминаній пойметъ, какой рѣдко счастливый, исключительный удѣлъ достался матери моей въ отношеніи ея нравственнаго воспитанія. Но то было еще не все: дѣвочкѣ нужно было дать и соотвѣтствовавшее происхожденію образованіе. Обстоятельство это было очень тревожное, такъ какъ изнуренныя подвигомъ силы матушки Серафимы быстро падали, и съ весны 1842 года у нея стали по временамъ обнаруживаться признаки водянки. Одно время состояніе ея здоровья было настолько плохо, что сдѣланы были всѣ приготовленія и распоряженія на случай смерти, и матери моей грозило несчастье снова остаться на попеченіи тѣхъ людей, которые проявили уже однажды такую жестокую небрежность къ ея участи. Но здѣсь снова выступаетъ промышленіе Небесной Попечительницы дѣвочки-сироты. Происходитъ такъ, что матушка Серафима, безъ всякихъ лекарствъ и питаясь все тою же скудною пищей, оправляется отъ болѣзни; дѣятельность сердца улучшается, отеки сходятъ, силы нѣсколько возстановляются, и въ это же время черезъ Орелъ проѣзжаетъ государыня Александра Ѳеодоровна. При остановкѣ въ городѣ она посѣтила уже раньше лично извѣстную ей игуменью Серафиму и этимъ счастливымъ «случаемъ» матушка и воспользовалась, чтобы сдѣлать для своей питомицы существенно необходимое—озаботиться объ ея образованіи. Она представила дѣвочку

государынѣ и просила принять ее по достиженіи положеннаго возраста въ какой-либо первоклассный институтъ; и государыня обѣщала исполнить желаніе болѣзнующей игуменьи. Матери моей было въ это время восемь лѣтъ и слѣдовало уже позаботиться о постепенной подготовкѣ ея къ поступленію въ заведеніе. Здѣсь на помощь матушкѣ пришла тоже «случайность». Въ монастырѣ въ это время проживала по нѣкоторымъ обстоятельствамъ фрейлина двора Д., вотъ она и предложила матушкѣ свои услуги заняться съ дѣвочкой иностранными языками, ариѳметикой и проч.

Иностранные языки дались моей матери чрезвычайно легко, въ особенности французскій; въ два года у нея образовался такой превосходный выговоръ и она такъ освоилась съ своеобразными оборотами французской рѣчи, что даже выдѣлялась этимъ среди аристократическихъ, говорившихъ чуть не отъ рожденія по-французски, питомицъ института и приводила въ восторгъ и удивленіе своего профессора, парижанина Cournand. Слушая ея изящную болтовню, онъ не разъ съ удивленіемъ говорилъ: «mais d'où vous vient votre français, ma petite?». И странно было слышать въ отвѣтъ, что пріобрѣтено это знаніе въ монастырѣ.

Среди высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній наилучшей репутаціей въ то время пользовался, какъ по постановкѣ учебной части, такъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ петербургскій Екатерининскій институтъ. Достаточно сказать, что во главѣ его стояла тогда такая выдающаяся по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и столь долго и благотворно послужившая русскому обществу начальница, какъ Е. В. Родзянко, воспитавшая нѣсколько поколѣній истинно русскихъ женщинъ; почетнымъ опекуномъ заведенія былъ добрѣйшій и преисполненный чувства долга принцъ П. Г. Ольденбургскій, а въ числѣ педагоговъ значились такія свѣтила науки того времени, какъ епископъ Макарій (Булгаковъ, извѣстный ученый и впослѣдствіи митрополитъ московскій), профессоръ П. Г. Ободовскій, математикъ Буссе, физикъ Менетріе, Плетневъ, управлявшій придворной капеллой Ломакинъ и другіе. Въ довершеніе всего институтъ этотъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ императорской фамиліи, часто посѣщавшей его (государыня Марія Александровна, тогда еще цесаревна, почти каждую пятницу присутствовала за урокомъ Закона Божія), и одно это обстоятельство ставило его уже въ исключительно счастливое положеніе. Государь Николай Павловичъ не любилъ поблажать лѣнтяямъ и нерадивцамъ, относившимся къ своимъ обязанностямъ спустя рукава и видѣвшимъ въ службѣ лишь двадцатое число, и все въ институтѣ было на чеку, всѣ относились къ своимъ обязанностямъ не только добросовѣстно, но съ энергіей и искреннимъ желаніемъ сдѣлать все какъ можно лучше, и все постепенно совершенствовалось, программа расширялась, методъ улучшался и нерѣдко на публичныхъ

экзаменахъ институтки удивляли присутствовавшихъ своими основательными знаніями. Институту этому впослѣдствіи и дано было вполнѣ заслуженно званіе «образцоваго».

Вотъ въ это заведеніе и желательно было игуменьѣ Серафимѣ помѣстить свою питомицу. Было тутъ одно препятствіе и въ сущности не легко преодолимое, но которое для матери моей прошло совсѣмъ незамѣтно. Дѣло въ томъ, что тогда еще соблюдался уставъ института, по которому требовалось, чтобы ходатайство о принятіи дѣвочки въ это заведеніе непремѣнно исходило отъ кавалерственной дамы ордена св. Екатерины (офиціально институтъ этотъ и носитъ наименованіе «училища *ордена* св. Екатерины). Немного у насъ и теперь дамъ, имѣющихъ этотъ орденъ, а въ то время, когда награды вообще давались гораздо осмотрительнѣе, ихъ было и совсѣмъ мало; но случилось такъ, что незадолго до поступленія моей матери въ институтъ въ Орелъ пріѣхала на постоянное жительство ея дальняя родственница, графиня Зотова, урожденная княжна Куракина. Одна изъ дочерей графини была замужемъ за игравшимъ столь видную роль въ царствованіе государя Николая Павловича свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ (военнымъ министромъ, а затѣмъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта). Вотъ къ его женѣ, какъ къ кавалерственной дамѣ и обралась чрезъ графиню Зотову матушка Серафима съ просьбой подать прошеніе о принятіи моей матери въ Екатерининскій институтъ. Прошеніе было подано княгинею Чернышевой, но государыня помнила свое слово, данное игуменьѣ, и положила на него такую резолюцію: «Въ уваженіе просьбы *игуменьи Серафимы Соковниной*, принимаю дѣвицу Софію Соковнину собственной моей пансіонеркой въ училище ордена св. Екатерины».

Теперь главное для ребенка было сдѣлано: онъ былъ выхоженъ, досмотрѣнъ, положены были основы его нравственнаго воспитанія, обезпечено его образованіе—и матушка Серафима, жившая послѣдніе годы просто какимъ-то чудомъ, тихо догорѣла, скончавшись кончиною праведницы, спустя всего три мѣсяца послѣ отъѣзда моей матери въ Петербургъ. Не дивное ли это было промышленіе Божіе о сиротѣ?

Матери моей долго боялись сообщить о кончинѣ ея воспитательницы; привязанность ея къ ней была настолько сильна, что, обладая всегда прекрасной памятью и помня до мельчайшихъ подробностей всю обстановку игуменской келіи и весь распорядокъ ея жизни, она совершенно не помнила момента своего разставанія съ матушкой Серафимой, такъ было переволновано ея дѣтское сердце. Она опомнилась и пришла, повидимому, нѣсколько въ себя, лишь когда увозившій ихъ мальпостъ тронулся уже въ путь, и, слѣдуя мимо церкви Воздвиженія, она услыхала торжественный благовѣстъ ко всенощной по случаю престольнаго праздника. Только по этому

воспоминанію она и знала, что покинула Орелъ и простилась навсегда съ своей дорогой матушкой 13-го сентября.

Сопровождали мать мою въ Петербургъ въ качествѣ уполномоченной матушки игуменьи послушница Прасковья Васильевна Зыкова и отъ графини Зотовой—ея компаніонка, англичанка миссъ Колинзъ. Странное сочетаніе! Монахиня—и англичанка, изъ монастыря—и въ домъ, куда, по выраженію m-me Ментенонъ «le roi va tous les jours», келія схимницы смѣнилась отелемъ одного изъ ближайшихъ ко двору вельможъ! И надолго это странное сочетаніе вплелось въ жизнь моей матери и навсегда отразилось въ ней самой. По внѣшности изъ нея сложилась вполнѣ свѣтская женщина: она никогда не чуждалась общества, всегда была живая, веселая, никакая, такъ сказать, напряженная религіозность не била въ ней въ глаза. А между тѣмъ основой всей ея жизни было Евангеліе; ея глубокая вѣра была искренння и проста, ей одинаково были чужды какъ рисовка и ханжество, такъ и своевольныя толкованія и умствованія въ вопросахъ религіи. Она глубоко чтила церковь и, по возможности, строго держалась церковности; дѣлая для семьи больше, чѣмъ можно было требовать, она въ то же время не любила, такъ называемыхъ, «женщинъ-дѣльцовъ», и сама всегда оставалась женщиной. Такой типъ сложился изъ ея двоякаго воспитанія: монастырскаго и великосвѣтскаго.

Когда мать и сопровождавшіе ее пріѣхали въ Петербургъ къ Чернышевымъ, семья князя была во дворцѣ на панихидѣ по великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ; по возвращеніи ихъ изъ дворца, княгинѣ доложили о прибывшихъ и она послала просить ихъ къ себѣ. Войдя въ салонъ, мать моя, по всѣмъ правиламъ придворнаго этикета, сдѣлала почтительный реверансъ княгинѣ и затѣмъ стала передавать ей по-французски привѣтствія отъ графини Зотовой и благодарность матери Серафимы за хлопоты по подачѣ прошенія. Княгиня Чернышева была крайне поражена выдержкой дѣвочки и самымъ видомъ ея; очевидно, она ждала совсѣмъ не того, и, громко позвавъ мужа, проговорила:

— Alexandre, да пойди сюда, пожалуйста; посмотри, это преинтересный субъектъ, эта маленькая монастырка! Послушай, какъ она мило болтаетъ по-французски.

А маленькая монастырка, болтая по-французски, въ то же время думала про себя, глядя на траурный туалетъ княгини: «какъ хорошо, что и при дворѣ одѣваются такъ же, какъ наши матушки! Только у матушекъ мантія безъ рукавовъ, а здѣсь съ рукавами, и вуаль не такъ наколотъ, потому что шапка другая».

То же не разъ повторялось съ матерью и въ институтѣ.

Однажды за обѣдомъ у начальницы одна изъ воспитанницъ старшаго класса употребила фразу: «je voudrais que vous connaissiez cette personne».

— Natalie! mais c'est une expression barbare,—остановила ее начальница и, случайно взглянувъ на мою мать, проговорила:— voila la petite parisienne nous corrigera. Comment faut-il dire, Sophie?

— Je voudrais vous faire connaitre cette personne,—отвѣтила мать, и только окончила она эту фразу, какъ съ колокольни ближайшей церкви донесся звонъ къ вечерни.

«Маленькая парижанка» благоговѣйно перекрестилась и проговорила:

— Вотъ ужъ и шестое число! Завтра апостола Ѳомы, а послѣ завтра—Сергія и Вакха, а 8-го—преподобной Пелагіи и Таисіи, 9-го—апостола Іакова Алфеева и Андроника.

— Постой, постой, что ты болтаешь?—улыбнулась начальница и потребовала календарь.

Оказалось, что дѣвочка знала чуть не всѣ святцы на память. Откуда явилось это знаніе—впослѣдствіи мать и сама не могла придумать, такъ какъ ее этому, понятно же, не учили.

Въ другой разъ, въ ожиданіи пріѣзда въ институтъ возвратившейся изъ-за границы государыни, начальница позвала къ себѣ мою мать и, какъ «новенькую», да еще провинціалку и монастырку, спросила ее:

— Вотъ, Sophie, насъ можетъ посѣтить государыня; по всему вѣроятію, она потребуетъ тебя къ себѣ, какъ ея пансіонерку, знаешь ты, какъ должно называть государыню?

— Да, maman.

— А ну, скажи.

— Votre Majesté imperiale. И я знаю, maman, какъ должно дѣлать поклонъ государынѣ,—добавила дѣвочка и разсказала весь распорядокъ реверансовъ и вообще весь этикетъ представленія и отношенія къ особамъ императорской фамиліи.

— Откуда же ты все это знаешь?—съ удивленіемъ спросила начальница.

— Матушка игуменья просила Елену Даниловну научить меня всему тому, что можетъ быть мнѣ здѣсь нужно.

— А кто же эта Елена Даниловна?

— Фрейлина Д. Она живетъ у насъ въ монастырѣ.

— Мудреное же ты дитя!—сказала съ улыбкой начальница:— ты жила въ монастырѣ и получила подготовку ко двору.

А мудреное дитя сейчасъ же и доказало правоту словъ своей директрисы. Чрезъ залу, гдѣ онѣ находились, прошла въ это время гостившая или проживавшая у начальницы какая-то ея родственница или знакомая.

— Maman, кто эта дама?—спросила дѣвочка.—Я никогда не вижу, чтобы она дежурила въ какомъ-нибудь классѣ.

— Она не служитъ здѣсь, а только такъ временно живетъ,— отвѣтила начальница.

— А, понимаю. Она, значитъ, прислана сюда на покаяніе,—сказала моя мать.

Начальница и невольно разсмѣялась, и удивилась такому странному для нея заключенію ребенка, и подумала, что ужъ не представляется ли дѣвочкѣ институтъ какимъ-то исправительнымъ учрежденіемъ, куда ссылаютъ провинившихся. Но заключеніе это вытекло совсѣмъ изъ другихъ обстоятельствъ и являлось, пожалуй, логичнымъ, примѣняясь къ понятіямъ дѣвочки. Во время жизни ея въ монастырѣ «подъ началъ» такой опытной и мудрой наставницы, какова была матушка Серафима, дѣйствительно нерѣдко присылались лица, приговоренныя къ церковному покаянію. Видя этихъ «не матушекъ» живущими въ монастырѣ и, вѣроятно, слыша при разговорахъ о нихъ слова: «на покаяніи», мать моя и приложила это опредѣленіе и въ данномъ случаѣ, такъ какъ и особа, о которой шла рѣчь, тоже не принадлежала къ институту, а лишь проживала въ немъ.

Время своего пребыванія въ институтѣ мать моя всегда вспоминала съ удовольствіемъ и съ самой искренней благодарностью ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли какое-либо отношеніе къ заведенію. При незабвенномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ всѣ служили, кого обязывало къ этому положеніе или обстоятельства. Служила и добрѣйшая государыня Александра Ѳеодоровна, входя во всѣ дѣла и нужды подвѣдомственныхъ ей женскихъ учебныхъ заведеній. Она часто посѣщала петербургскіе институты, и ея посѣщенія не являлись лишь отбываніемъ простой формальности; она знала и понимала жизнь института, знала, чѣмъ и какъ обласкать и порадовать дѣтей, на что слѣдовало обратить особенное вниманіе. Въ обращеніи съ дѣтьми она была такъ проста и доступна, что дѣти на ея вопросы не стѣсняясь высказывали ей свои желанія или затрудненія. Часто, уже хворая въ то время, государыня, если не могла посѣтить сама институтъ, «посылала» за себя государя, который и являлся обыкновенно съ такой фразой:

— Старуха моя (такъ по большей части называлъ онъ свою супругу) послала меня навѣстить васъ. Очень она безпокоится, что давно не видѣла васъ, и велѣла мнѣ самолично собрать свѣдѣнія, какъ вы тутъ поживаете, что подѣлываете.

— Благодаримъ, государь. Мы здоровы и все у насъ благополучно,—отвѣчали дѣти.

— А вотъ ужъ одно знаю и не спрашивая: устали вы, вѣроятно? Ну, я доложу государынѣ, и она, навѣрное, дня на три разгонитъ вашихъ мучителей-учителей. Только ужъ покорнѣйше прошу васъ, Екатерина Владимировна,—обращался онъ къ начальницѣ,—прослѣдить, чтобы отдыхъ дѣтямъ данъ былъ полный. А то я вѣдь знаю, что если прекратятъ лекціи, такъ начнутся мученія другого сорта: повтореніе пройденнаго или пропущеннаго по болѣзни, подтяги-

ваніе слабенькихъ и т. п. Такъ вотъ ужъ, пожалуйста, прошу васъ, чтобы этого не было.

И государь былъ правъ, такъ заботясь о полномъ отдыхѣ дѣтей. Тогда вѣдь *учились* и учились много и серьезно: программа была большая, учились безъ книгъ, по лекціямъ, которыя нужно было самимъ и составить, и переписать, вакаціи были краткія. (На Рождество, напримѣръ, съ третьяго дня праздника начинались уже лекціи, а лѣтнія каникулы продолжались лишь съ 29 іюня по 1 августа).

Во время своихъ поѣздокъ за границу государыня поручала институты цесаревнѣ Маріи Александровнѣ. Какъ особа еще молодая и притомъ крайне сдержаннаго и женственно-скромнаго характера, цесаревна не могла такъ просто и непринужденно обращаться съ дѣтьми, какъ государыня. Государь не упустилъ и этого изъ вида, и изъ опасенія, чтобы дѣти не приняли эту сдержанность за холодность, въ одно изъ своихъ посѣщеній обратился къ воспитанницамъ съ такою рѣчью:

— Государыня не могла сдѣлать вамъ больше добра и оказать больше заботливости, какъ поручивъ васъ на время своего отсутствія цесаревнѣ. Не удивляйтесь, что она такая молчаливая: она очень серьезна, но у нея золотое сердце. Она рѣдкая мать и жена, она у меня большая умница; вы ее полюбите и слушайтесь. Я самъ всегда ее слушаюсь.

Таковы были отношенія царской семьи къ институту. Государыня смотрѣла на свои обязанности къ учебнымъ заведеніямъ, какъ на священный долгъ, считая институтокъ ввѣренными ея заботамъ и попеченіямъ родителями дѣтьми, за которыхъ она должна дать отвѣтъ передъ ними и своею совѣстью. И это не была лишь пышная фраза; тому доказательствомъ служила ея серьезная заботливость о дѣтяхъ и зоркая наблюдательность за всѣмъ, что происходило въ институтахъ. Она знала почти всѣхъ институтокъ въ лицо, знала отчасти семейное положеніе каждой изъ нихъ, знала, у кого случилось какое-либо горе, что явствовало изъ лично обращенныхъ къ дѣвицамъ ея вопросовъ и словъ при посѣщеніи, о всякомъ происшествіи въ заведеніи ей всегда докладывали немедленно, такъ что ея высокое покровительство являлось дѣйствительно *службой* родинѣ.

Мать моя, какъ собственная пансіонерка государыни и круглая сирота, пользовалась ея особенной лаской и вниманіемъ, и насколько простиралась чисто материнская заботливость государыни о дѣвочкѣ, наглядным примѣромъ можетъ служить приключившаяся съ моею матерью уже въ выпускномъ классѣ болѣзнь.

Началась эта болѣзнь съ чисто дѣтской шалости. Подъ Новый годъ, придя отъ всенощной, нѣсколько дѣвочекъ и въ томъ числѣ моя мать придумали оригинальное состязаніе: кто изъ нихъ выпьетъ

больше воды за разъ. Мать моя выпила обыкновенную институтскую кружку и еще сверхъ кружки сдѣлала нѣсколько глотковъ. Придя въ дортуаръ, она почувствовала, что ее слегка прознобило. Она поспѣшила улечься и, закрывшись одѣяломъ съ головой, скоро согрѣлась и заснула. Но когда она проснулась по утру, ея сосѣдки по кроватямъ накинулись на нее съ вопросами:

— Соня, что съ тобой? Посмотри, какое у тебя лицо. У тебя— флюсъ или свинка?

Мать подошла къ зеркалу и увидѣла, что лицо ея и уши страшно обезображены опухолью. Пальцы на рукахъ тоже дѣйствовали плохо. Отекъ шелъ такъ быстро, что, когда дѣвицы выстроились, чтобы итти къ обѣднѣ, мать, не дожидаясь прихода дежурной дамы, которой слѣдовало заявить о болѣзни, должна была выйти изъ пары, такъ какъ явилась уже необходимость снять платье и ботинки. Ее отвели въ лазаретъ, гдѣ доктора признали острую водянку. Сейчасъ же дали знать во дворецъ, и, несмотря на то, что это былъ Новый годъ и во дворцѣ готовились къ Высочайшему выходу, оттуда немедленно прискакалъ лейбъ-медикъ государыни, Арендтъ, и князь Чернышевъ, которому государыня сама сообщила о болѣзни моей матери.

Началось долгое леченіе. Всѣ старанія, конечно, были употреблены, чтобы не допустить отека легкихъ. Воду приходилось спускать мушками, но водянка упорствовала; едва натягивало подъ мушками нѣсколько громадныхъ пузырей и ихъ прорѣзывали и спускали воду, какъ набирался новый отекъ. Такъ что со всякими перепетіями мать мое проболѣла съ 1 января и до конца апрѣля. Въ теченіе ея болѣзни государыня неоднократно навѣщала ее, и когда, наконецъ, доктора объявили ей, что отеки болѣе не появляются, она, обращаясь къ нимъ, сказала:

— Очень благодарю васъ за ваши старанія, но вы сдѣлали еще только половину дѣла: мало вылечить острый приступъ болѣзни, надо сдѣлать еще и такъ, чтобы болѣзнь не повлекла за собою печальныхъ послѣдствій. Посмотрите, моя дѣвочка похожа на тѣнь, въ такомъ возрастѣ, мнѣ кажется, это очень опасно. Надо сдѣлать все возможное, чтобы она окрѣпла и поправилась.

— Совершенно вѣрно, ваше императорское величество,—отвѣтилъ Арендтъ.—Болѣзнь, подобная перенесенной дѣвицей Соковниной, легко можетъ повлечь за собой другую... весьма нежелательную: водянка и чахотка—родныя сестры.

— Вотъ и должно сдѣлать такъ, чтобы этого не случилось.

— Дѣвица теперь совершенно здорова, но крайне истощена и, конечно, въ высшей степени малокровна. Поэтому, я думаю, самымъ цѣлесообразнымъ леченіемъ для нея будетъ полный отдыхъ и усиленное питаніе.

Государыня согласилась и приказала примѣнить это леченіе. И началось «усиленное питаніе» моей матери. Тутъ сдѣланно было дѣйствительно все, что, несомнѣнно, не всегда можно сдѣлать для больной и въ родной семьѣ. Матери предписано было козье молоко, для чего была пріобрѣтена коза и нанята чухонка для ухода за нею. Чтобы вызвать какъ-нибудь аппетитъ и завлечь больную съѣсть побольше, ей, кромѣ лазаретнаго обѣда (и нужно сказать всегда очень хорошаго), посылался весь обѣдъ отъ начальницы, привозили обѣдъ отъ принца Ольденбургскаго, готовили для нея всякія питательныя пирожныя, вродѣ сливочнаго крема, вафлей, трубочекъ со сливками; чтобы вызвать жажду и заставить, такимъ образомъ, пить молоко, котораго мать недолюбливала, ей давали то кусочекъ селедки, то самой лучшей икры, варили для нея шоколадъ, швейцарскій кофе на молокѣ; изъ дворца постоянно получались вопросы, не нужно ли чего, не хочетъ ли чего больная,—и въ заключеніе мать мою, присоединивъ къ ней еще нѣсколько слабенькихъ дѣвочекъ, отправили на все лѣто для поправленія въ Старую Руссу. Тамъ она совершенно оправилась и окрѣпла и вернулась въ институтъ цвѣтущей молодой дѣвушкой.

Радость государыни, при видѣ, вмѣсто прежней «тѣни», здоровой, изрядно загорѣвшей на лѣтнемъ солнцѣ и выросшей дѣвушки, была такъ искренна, что, въ порывѣ своей сердечной доброты, она попросила начальницу съѣздить съ моей матерью въ церковь Скорбящей Божіей Матери (что на Шпалерной) и отслужить благодарственный молебенъ, что являлось даже исключеніемъ изъ институтскихъ правилъ, такъ какъ тогда институтокъ, кромѣ катанья и визита старшаго класса во дворецъ на масленой и на Пасху, никогда никуда изъ заведенія не вывозили.

Здѣсь я должна разсказать два удивительныхъ случая изъ жизни моей матери. Читатели уже знаютъ, какъ дѣдъ мой радъ былъ появленію на свѣтъ долго жданной дочки и какъ онъ любилъ ее. Очевидно, истинная любовь такое святое и глубокое чувство, что его не уничтожаетъ и смерть; по крайней мѣрѣ дѣдушка явно проявилъ свою заботливость о любимой дочкѣ и изъ загробнаго міра. Мать привезена была въ институтъ десятилѣтней дѣвочкой и пробыла въ немъ шесть лѣтъ; но такъ какъ день ея рожденія былъ въ іюнѣ, а выпускъ въ институтѣ бывалъ тогда въ февралѣ, то, слѣдовательно, ей, когда она сдала выпускные экзамены и получила аттестатъ, не хватало нѣсколькихъ мѣсяцевъ до шестнадцатилѣтняго возраста. А тогда, по институтскимъ постановленіямъ, выпускать раньше этого возраста изъ заведенія не полагалось. Поэтому ее и одну воспитанницу, кажется, княжну Волконскую, тоже не достигшую положеннаго возраста, и оставили въ институтѣ, хотя обѣ онѣ и сдали экзамены и получили аттестаты. Волконская, какъ имѣвшая родителей, оставалась въ заведеніи, конечно, лишь столько, сколько требова-

лось для того, чтобы имѣть право выйти; а дальнѣйшая судьба матери моей оставалась въ полной неизвѣстности, такъ какъ и взять ее изъ института въ сущности было некому: матушка игуменья давно умерла, а изъ братьевъ матери старшій только что окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и былъ еще холостъ, а младшаго хотя и женили девятнадцатилѣтнимъ юношей, но бракъ этотъ былъ настолько неудаченъ, что ко времени выпуска матери изъ института молодые супруги уже разошлись и жили по разнымъ городамъ. Такъ прожила мама еще болѣе года послѣ выпуска въ институтѣ. И вотъ однажды видитъ она во снѣ, что въ ихъ классъ входитъ дежурная пепиньерка и говоритъ: «Соковнина, идите въ залу, къ вамъ пріѣхалъ отецъ». Мать, конечно, со всѣхъ ногъ кинулась въ залу и, войдя въ нее, увидѣла въ одной изъ ложъ своего отца, котораго знала лишь по портрету. При ея появленіи отецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ ней навстрѣчу и, перекрестивъ ее широкимъ крестомъ, спѣшно проговорилъ: «Ну, я пришелъ, Сонечка, благословить тебя на новую жизнь. Господь съ тобой», и при этихъ словахъ его мать проснулась. Не весело было пробужденіе сироты послѣ этого сна; въ обычномъ теченіи жизни она никогда и не мечтала о такой радости; а тутъ сонъ былъ такъ естественъ, реаленъ, что невольно явилось грустное сознаніе, что происшедшее возможно было для нея только во снѣ. Мать всплакнула немножко и весь день оставалась грустной, такъ, что это замѣтили и дѣвицы и спрашивали что съ ней. Она отвѣчала, что видѣла во снѣ будто къ ней пріѣхалъ въ институтъ отецъ, и что сонъ былъ такъ явственъ и правдоподобенъ, что ей, конечно, очень тяжело отъ сознанія, что происшедшее было только сномъ.

Въ тотъ же день, часа въ четыре вечера въ классъ дѣйствительно вошла дежурная пепиньерка и, обращаясь къ матери, проговорила: «Sophie, васъ зовутъ къ начальницѣ: кто-то пріѣхалъ къ вамъ». Съ матерью чуть не сдѣлалось дурно при этихъ словахъ, такъ похожа была дѣйствительность на видѣнный ею сонъ, и, идя къ начальницѣ, она все недоумѣвала: кто могъ пріѣхать къ ней. День былъ не пріемный, навѣщала ее изрѣдка только княгиня Чернышева, но она недавно была у нея, и такъ съ недоумѣніемъ и вошла она въ аппартаменты начальницы. Каково же было ея удивленіе и радость, когда она увидѣла въ гостиной мать княгини Чернышевой—графиню Зотову! Особа графини напомнила ей Орелъ, ея незабвенную матушку-игуменью, ея дѣтство въ монастырѣ.

— Nous vous reprenons, Sophie,—было первой фразой гр. Зотовой, послѣ привѣтствія.

— Vous avez fini votre éducation, et ma fille trouve qu'il est temps maintenant de vous apprendre une autre science—la science du monde.

И на другой же день въ институтъ прислана была отъ Чернышевыхъ портниха для снятія мѣрки нужныхъ для молодой дѣвушки

туалетовъ, черезъ недѣлю мать покинула институтъ и переселилась въ домъ Чернышевыхъ.

Такимъ образомъ видѣнный ею сонъ сбылся буквально: для нея началась новая жизнь.

Семья князя Чернышева въ своемъ внутреннемъ укладѣ была симпатичной русской семьей прежнихъ временъ. Въ ней ничего не было натянутаго, не чувствовалось той холодной формальности взаимоотношенiй ея членовъ, какiя присущи нынѣшнимъ аристократическимъ семьямъ. Князь былъ патрiархальный отецъ семейства и серьезный, но простой въ обращенiи хозяинъ дома; княгиня, вѣроятно, унаслѣдовала отъ рода Куракиныхъ отличительную черту ихъ характера—безконечную доброту. Къ матери моей они относились по-родственному; княгиня постоянно возила ее съ собой и въ оперу, и на прогулки, и нерѣдко дѣлала съ ней визиты въ такiе дома, съ которыми она была въ болѣе короткихъ отношенiяхъ, какъ княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, графа Уварова и др. Возили мать нѣсколько разъ и во дворецъ, такъ какъ государыня и по выходѣ ея изъ института не оставляла ее своимъ вниманiемъ и постоянно справлялась у Чернышевой, какъ поживаетъ ея питомица и здорова ли она. Князь болѣе всего заботился о возможной «независимости» моей матери въ его домѣ, и такъ какъ, по его понятiямъ, эта независимость для молоденькой дѣвушки должна была выражаться въ покупкахъ разныхъ бездѣлушекъ и сластей, онъ и старался подъ разными предлогами снабжать мать нужными для этого деньгами. Разъ вышло такъ: въ какой-то изъ большихъ праздниковъ въ домѣ былъ прiемъ, но въ положенный часъ князю и княгинѣ самимъ нужно было выѣхать съ визитами къ особамъ императорской фамилiи, а прiемъ не былъ еще законченъ. Тогда князь обратился къ матери съ такимъ предложенiемъ:

— Sophie, намъ съ княгиней нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ, maman (графиня Зотова) устала, поэтому, чтобы ее не безпокоить, я прошу тебя закончить прiемъ. Но долженъ сказать, что канитель эта будетъ для тебя порядочно-таки томная. Такъ вотъ условiя: въ награду за терпѣнiе «Гугеноты» съ Гризи и Марiо и, кромѣ того, за каждаго старика я плачу тебѣ по червонцу, а за молодого—по пятаку.

И случилось такъ, что, когда Чернышевы вернулись домой, визитацiя была уже окончена и князь засталъ въ прiемной только своего адъютанта, князя Владимира Андреевича Долгорукаго (впослѣдствiи извѣстнаго московскаго генералъ-губернатора).

— Э, дружокъ, за этого и трехъ копеекъ не стоитъ. Пу-стой малый!—комично махнувъ рукой, проговорилъ князь.

Князь Долгоруковъ долго помнилъ эту шутку, и когда, много лѣтъ спустя, ему пришлось встрѣтиться съ моею матерью въ Москвѣ въ домѣ одной изъ ея соучевицъ по институту, онъ, напоминая себя, смѣясь, сказалъ:

— Вѣроятно же помните трехкопеечнаго адъютанта князя Александра Ивановича Чернышева? Не знаю, стою ли я теперь хоть немного больше, какъ московскій паша.

Въ домѣ Чернышевыхъ мать прожила около двухъ лѣтъ, а когда княгинѣ, вслѣдствіе тяжелой болѣзни ея младшей дочери, пришлось надолго выѣхать изъ Россіи, сначала—въ Парижъ для консультаціи съ врачами, а затѣмъ на продолжительное пребываніе въ Египетъ для леченія, мать переѣхала на это время съ графиней Зотовой на жительство въ Орелъ. И вотъ тутъ снова повторился тотъ же сонъ и снова оказался столь же знаменательнымъ.

Нужно, сказать что старшаго брата мать моя совсѣмъ не помнила, или, вѣрнѣе, просто не знала, такъ какъ онъ, вскорѣ послѣ смерти бабушки, окончивъ орловскую гимназію, поступилъ въ московскій университетъ и за все время пребыванія матери въ монастырѣ въ Орлѣ не былъ. И вотъ однажды она получаетъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что, увлеченный общимъ патріотическимъ движеніемъ, и онъ на время войны поступилъ въ ополченіе, а теперь дружина ихъ возвращается изъ Севастополя домой и будетъ проходить черезъ Сѣвскъ. Поэтому не найдетъ ли она возможнымъ попросить графиню отпустить ее на нѣсколько дней въ Сѣвскъ, чтобы повидаться съ нимъ и познакомиться съ его молодой женой. Онъ очень просилъ объ этомъ, такъ какъ, безъ этого случая, не могъ сказать, когда снова попадетъ въ Орелъ и будетъ имѣть возможность повидаться съ сестрой, которую видѣлъ въ послѣдній разъ двухлѣтней дѣвочкой.

Мать показала письмо графинѣ; графиня, конечно, согласилась на эту поѣздку, и въ сопровожденіи той же, когда-то отвозившей ее въ институтъ, миссъ Колинзъ и штата прислуги, мать мою отправили въ Сѣвскъ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ лакей навелъ справки и узналъ, что на слѣдующій день въ городъ должны войти двѣ дружины: калужская и медынская, и что ихъ квартирьеры уже пришли. Онъ отыскалъ одного изъ нихъ и просилъ, чтобы онъ сообщилъ служащему въ медынской дружинѣ Алексѣю Ивановичу Соковнину, что пріѣхала его сестра и остановилась тамъ-то.

Въ ночь мать снова видитъ во снѣ своего отца; онъ опять такъ же поспѣшно вошелъ къ ней въ комнату и проговорилъ: «Я опять пришелъ благословить тебя. Какъ жаль, что поспѣшили продать твою землю! Она была бы теперь кстати: какъ разъ межа съ межой». И, перекрестивъ мать, онъ такъ же поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Проснувшись, мать вспомнила такой же первый сонъ, вспомнила, какъ сбылся онъ тогда, и снова пришла въ недоумѣніе: что же теперь предстоитъ ей, что можетъ случиться съ нею въ этомъ городишкѣ, въ который она заѣхала всего на какихъ-нибудь два-три дня и гдѣ ровно никого не знала. Ужъ не пожелаетъ ли братъ взять ее къ себѣ, и такимъ образомъ произойдетъ опять перемѣна въ ея жизни? Но

такое предположеніе было совсѣмъ маловѣроятно, такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы графиня согласилась на него, и мать очень любила ее и совсѣмъ не желала мѣнять свое вполнѣ опредѣленное положеніе въ ея домѣ на жизнь съ совсѣмъ незнакомой ей невѣсткой и братомъ. Но больше она ничего не могла придумать; ей предстояло только свиданіе съ братомъ—на этомъ она и могла лишь остановиться. А слова отца о проданной землѣ, о томъ, что она была бы какъ разъ межа съ межой, для нея были совсѣмъ непонятны, такъ какъ она въ этихъ дѣлахъ ровно ничего не понимала и узнала только, что доставшаяся ей по раздѣлѣ съ братьями земля дѣйствительно незадолго предъ тѣмъ была продана по неудобству управленія ею конторой графини Зотовой.

Часовъ въ одиннадцать мать услышала, что кто-то вошелъ въ переднюю и, ожидая брата съ невѣсткой, разлетѣлась было навстрѣчу, но въ залѣ остановилась, услыхавъ такой разговоръ вошедшаго съ лакеемъ:

— Доложите, пожалуйста, барышнѣ, что ей желаетъ представиться Дмитрій Борисовичъ Соковнинъ. Скажите, что я ихъ сосѣдъ по имѣнію, сынъ бывшаго орловскаго губернатора Бориса Сергѣевича Соковнина.

Мать въ своемъ имѣніи никогда не была и совершенно не знала, какіе у нихъ были тамъ сосѣди; также и указаніе, къ какой именно семьѣ Соковниныхъ принадлежалъ вошедшій, ей ничего не говорило, такъ какъ Борисъ Сергѣевичъ Соковнинъ губернаторствовалъ въ Орлѣ именно въ тѣ годы, когда она была въ институтѣ.

Лакей вошелъ съ докладомъ. Мать вопросительно взглянула на миссъ Колинзъ, не зная, какъ ей поступить.

— Конечно, примите. Вѣроятно, это какой-нибудь вашъ родственникъ,—отвѣтила та. Вошелъ въ ополченской формѣ молодой человѣкъ.

— Простите, пожалуйста, что я рѣшился просить позволенія представиться вамъ. Мы съ вами односельчане. Я хорошо помню и вашихъ родителей, и братьевъ, а явился сюда по ошибкѣ: квартирьеръ, очевидно, спуталъ, какому Соковнину слѣдовало сообщить о пріѣздѣ сестры, и сказалъ мнѣ, что пріѣхала сестра. А такъ какъ у меня сестеръ много, то я легко повѣрилъ, что какая-нибудь изъ нихъ выѣхала встрѣтить меня, и только тутъ уже узналъ, что пріѣхала сестра Алексѣя Ивановича. Я сейчасъ же исправлю эту ошибку, найду вашего брата и провожу его къ вамъ.

Читатель, вѣроятно, догадывается, что этотъ по ошибкѣ явившійся Соковнинъ былъ *суженымъ* моей матери. Молодая дѣвушка произвела на него такое сильное впечатлѣніе, что, отведя свою дружину въ Калугу, онъ сейчасъ же прискакалъ въ Орелъ и сдѣлалъ предложеніе. Женихъ, въ свою очередь, очень понравился и невѣстѣ, и ея опекуншѣ — графинѣ Зубовой, и въ ноябрѣ того же года

отпразднована была свадьба моихъ родителей. Когда, спустя года три послѣ брака, семья моего отца раздѣлилась, ему досталась земля дѣйствительно смежная съ проданною землей моей матери. Такимъ образомъ и на этотъ разъ явленіе дѣдушки во снѣ было знаменательно, какъ не менѣе знаменательно и то, что послѣ этого сновидѣнія онъ въ теченіе 51 года *ни разу* не приснился матери и лишь незадолго до ея кончины она снова увидѣла его во снѣ, но уже въ сообществѣ бабушки и всѣхъ ихъ дѣтей, а своихъ братьевъ и сестры.

Въ семейной жизни своей мать была очень счастлива. Отецъ былъ добрѣйшій человѣкъ и рѣдкій семьянинъ. Онъ положительно не могъ жить безъ семьи, кажется, и одного дня. Будучи очень опытнымъ и тактичнымъ служакой и пользуясь большимъ довѣріемъ своего начальства, онъ постоянно бывалъ посылаемъ на разныя серьезныя ревизіи, царскіе смотры, для чего нерѣдко приходилось отмахивать почтенныя дистанціи на почтовыхъ, а подчасъ еще и на «курьерскихъ»; и мы, то есть мать и я, всегда сопровождали его въ этихъ нелегкихъ путешествіяхъ, что какъ, въ харьковскомъ округѣ, гдѣ протекла большая часть службы отца, знали ужъ объ этомъ и называли насъ «окружнымъ семействомъ». Въ послѣднюю русско-турецкую войну мы тоже съ самой мобилизаціи были съ отцомъ, прежде—на границѣ, а затѣмъ и въ Болгаріи; и когда, по окончаніи войны, потребовались какія-то болѣе подробныя, чѣмъ формальный отчетъ, указанія и разъясненія отъ отца, а онъ по болѣзни не могъ пріѣхать, изъ главной квартиры получена была телеграмма съ предложеніемъ, не можетъ ли пріѣхать кто-нибудь изъ *семейства*. Слѣдовательно, и тамъ служба отца считалась какой-то «коллективной» и на насъ смотрѣли какъ на состоящее на государственной службѣ семейство.

Закончить свои записки я должна свидѣтельствомъ дивнаго промышленія въ теченіе всей жизни моей матери ея Небесной Попечительницы, Которой вручена она была умирающей бабушкой.

Когда намъ пришлось похоронить отца, я, кромѣ горя потери и сознанія совершенной безпомощности (отецъ несъ всѣ, даже самыя мелкія заботы о семьѣ самъ, такъ какъ я была еще молода, а мать слаба и болѣзненна), очень боялась, чтобы и въ матеріальномъ отношеніи матери не пришлось нести какихъ-либо лишеній, которыя были бы для нея особенно тяжелы, какъ по ея болѣзненному состоянію, такъ и потому, что она къ нимъ совершенно не привыкла, проживъ всю жизнь въ хорошей обстановкѣ и ни въ чемъ себѣ не отказывая. Это ужасно тревожило меня, тревожило даже и тогда, когда покойному государю Александру III угодно было дать за службу отца усиленную пенсію намъ. Мать часто и тяжело болѣла, а болѣзнь требовала такъ много всего! Однажды мнѣ попался въ руки какой-то журналъ, въ которомъ помѣщенъ былъ разсказъ о старомъ

преданномъ слугѣ одной семьи. У насъ въ семьѣ былъ такой типъ еще ярче, въ лицѣ денщика моего дѣда, сдѣлавшаго съ нимъ всѣ кампаніи 1805—1807 и 1812 гг., покончившаго и дни свои въ домѣ дѣдушки и похороненнаго за свою преданность въ одномъ склепѣ съ своимъ господиномъ. Я написала, и разсказъ мой безъ всякихъ обычныхъ для начинающаго автора затрудненій не только былъ принятъ, но я получила и приглашеніе постояннаго сотрудничества. Вскорѣ послѣ этого такія же предложенія я получила и отъ другихъ издателей; и такимъ образомъ для меня явился заработокъ и именно такой, какой только и возможенъ былъ по моему семейному положенію, то есть не требовавшій моихъ отлучекъ изъ дома, отъ больной матери. Но чтобы яснѣе дать понять намъ, откуда шла эта ужъ совсѣмъ неожиданная помощь, мой первый разсказъ, посланный въ редакцію въ январѣ мѣсяцѣ, былъ напечатанъ 14 марта, въ день празднованія нашей иконѣ Ѳеодоровской Божіей Матери.

Икона эта неотлучно находилась всю жизнь при моей матери: съ нею была она и въ монастырѣ, и въ институтѣ, неизмѣнно сопутствовала ей и въ нашихъ безконечныхъ странствованіяхъ и скитаніяхъ по бѣлу свѣту, оставаясь иногда, какъ во время нашихъ круженій на почтовыхъ по округу, чуть не по мѣсяцамъ уложенной въ сундукѣ, что очень огорчало и смущало мать. Но ея Небесная Попечительница не гнѣвалась за такую не соотвѣтствовавшую Ея изображенію обстановку и даже ясно показывала, что сама не бросаетъ ввѣренную ея попеченію и желаетъ сопутствовать ей всюду. Обыкновенно, когда намъ предстоялъ или переѣздъ въ другой городъ, или продолжительная поѣздка куда-нибудь, или хоть перемѣщеніе съ одной квартиры на другую, кто-нибудь изъ насъ непремѣнно видѣлъ во снѣ, что икона наша снята съ своего обычнаго мѣста. Сонъ этотъ никогда не проходилъ безслѣдно, это ужъ твердо знали и мы, и даже наши знакомые. Случалось иногда и такъ, что предполагалось назначеніе отца на другое мѣсто, насъ извѣщали объ этомъ, но или никто изъ насъ не видѣлъ икону снятою, или, наоборотъ, видѣлъ ее стоящею на своемъ мѣстѣ—и тогда можно было съ увѣренностью сказать, что переводъ отца не состоится. Такъ обыкновенно оно и бывало, и иногда такіе случаи были поразительны по своей неожиданности и, казалось бы, совершенной невозможности. Разскажу кратко два такихъ случая, изъ которыхъ второй въ сущности и является настоящимъ концомъ моихъ замѣтокъ.

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ мы жили въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Орловской губерніи. Такъ какъ городъ этотъ лежитъ въ лѣсной мѣстности, то почти всѣ строенія въ немъ деревянныя, и даже, вмѣсто фундаментовъ, практикуются обшитыя тесомъ заваленки, и желѣзныя крыши встрѣчаются только на постройкахъ позднѣйшаго времени, а то и крыты дома сплошь и рядомъ тесомъ или доромъ.

Мы занимали помѣстительный, сухой и теплый домъ, но старый, въ особенности ветха была его крыша (изъ дора) и надворныя постройки, такъ что хозяинъ нашъ, какъ ни жался, волей-неволей долженъ былъ приступить къ ремонту. Начали съ нашего дома. Поправили заваленки и засыпали ихъ по мѣстному обыкновенію сухой кострой, а задѣлать сверху еще не успѣли; въ дворѣ шла подготовка матеріала, и онъ весь былъ заваленъ досками, бревнами, стружками и щепой. И все это было сухое, такъ какъ лѣто стояло жаркое и безъ дождей. И вотъ при такой обстановкѣ, однажды ночью я вижу во снѣ, что стою въ залѣ передъ нашей иконой и молюсь. И въ это самое время меня будитъ мать словами: «Встань, пожалуйста, вѣроятно, гдѣ-то очень близко отъ насъ пожаръ. Вспыхнуло сразу такъ, что даже чрезъ сторы въ комнатѣ стало свѣтло». Въ отвѣтъ я могла только сказать ей: «Не пугайся, мы горѣть не будемъ: я сейчасъ видѣла во снѣ, что наша икона стоитъ на мѣстѣ». Но, когда я, вставъ, подошла и откинула стору, я невольно смутилась и пришла въ ужасъ. Пожаръ вспыхнулъ какъ разъ vis-à-vis насъ, во дворѣ купца Д. Горѣлъ пеньковый складъ и салотопня, и тутъ же въ довольно узкомъ дворѣ лежалъ еще большой запасъ дровъ. Вѣтеръ тянулъ прямо на насъ. Сила огня, при такомъ горючемъ матеріалѣ, какъ пенька и сало, и при вѣтрѣ была ужасная; и все это—пуки горящей пеньки, головни, искры неслось прямо на насъ. Головни ударялись въ наши окна и падали затѣмъ въ насыпанную сухой кострой заваленку. Выбираться намъ, если бы мы даже и рѣшились на это, было некуда; во дворъ—тамъ стоялъ съ раскрытой крышей сѣновалъ, набитый сѣномъ, и лежали кучи стружекъ и щепы; на улицу — значило лѣзть прямо подъ огонь. Да и кто помогъ бы намъ выносить вещи? На улицѣ не было ни души, ибо пожаръ вспыхнулъ въ самое глухое время—въ два часа ночи; во дворѣ у насъ не было ни одного мужчины, такъ какъ хозяинъ уѣхалъ наканунѣ съ кучеромъ на хуторъ, и даже некому было добѣжать до полиціи или хоть до ближайшей церкви и ударить въ набатъ. И мы такимъ образомъ просидѣли подъ этимъ ужаснымъ огнемъ *болѣе часа*. Только въ началѣ четвертаго часа въ соборѣ ударили въ набатъ и пріѣхала вольная пожарная команда. Тутъ уже наше положеніе стало безопаснымъ, такъ какъ прежде, чѣмъ тушить пожаръ, команда щедро окатила всѣ наши постройки и дворъ изъ трубъ, видя въ нихъ готовую и щедрую добычу для огня. Когда разсвѣло совсѣмъ и народъ собрался около нашего дома и во дворѣ, всѣ поражены были, какимъ образомъ могли уцѣлѣть мы при такихъ обстоятельствахъ. Всѣ наши ветхія деревянныя крыши, всѣ постройки, дворъ—все это было буквально засыпано угольями, пепломъ, головешками и пучками обгорѣлой пакли, такъ что и люди невѣрующіе говорили, что мы спаслись только какимъ-то чудомъ, потому что никакими естественными обстоятельствами объяснить наше спасеніе

было невозможно. Да если бы и въ спасеніи нашемъ не было чуда, не чудесенъ ли былъ самый приснившійся мнѣ сонъ?

Въ декабрѣ минувшаго года я вижу иной сонъ, вижу, наоборотъ, что икона наша снята съ мѣста и стоитъ на рабочемъ столикѣ матери. Проснувшись и вспомнивъ видѣнный сонъ, я пришла въ полное недоумѣніе. Ѣхать мы никуда не могли по той уже одной причинѣ, что мать моя, страдая хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, которое при малѣйшемъ охлажденіи даже комнатной температуры обострялась и осложнялось другими болѣзнями, уже *болѣе двадцати лѣтъ зимою никуда не выходила* изъ дома, и обыкновенно съ наступленія первыхъ осеннихъ холодовъ и до конца апрѣля или мая безвыходно сидѣла дома. Къ тому же и надобности ѣхать не предвидѣлось совершенно никакой.

— Ну, милая,—сказала я, когда мать проснулась,—ужъ не знаю, что съ нами будетъ! Умремъ мы, что ли, только я видѣла во снѣ нашу икону снятою съ мѣста.

— Да, это очень странно,—проговорила мать.—Ѣхать куда-нибудь теперь не только мнѣ, но и тебѣ нельзя. (Въ послѣдніе годы я совсѣмъ не отлучалась отъ матери, а въ это время у насъ еще и прислуга была такая ненадежная, что я и на часъ боялась оставить на ея попеченіе мать). Да и придумать причину поѣздки мудрено. Но мало ли въ жизни бываетъ всякихъ внезапностей!

Мы квартировали въ домѣ нашего приходскаго священника, который утромъ зачѣмъ-то и зашелъ къ намъ. Я разсказала ему сонъ. Онъ хотя и зналъ эту особенность нашей иконы и всегда глубоко чтилъ ее, но всѣ мы такъ неспособны къ крѣпкой и простой, не мудрствующей вѣрѣ, что и опытъ не всегда является для насъ неопровержимымъ фактомъ. Усомнился и батюшка, зная, что не только въ декабрѣ, да еще лютомъ, при 24 градусахъ мороза, но нерѣдко уже и въ сентябрѣ мать не могла выходить изъ дома,—усомнился, чтобы подобный сонъ сбылся непремѣнно всякій разъ буквально.

— Это что-нибудь не такъ,—выслушавъ меня, сказалъ онъ.—Вѣроятно, тутъ сонъ вашъ имѣетъ какое-нибудь другое значеніе, потому что куда же вы можете тронуться теперь? Это же совершенно немыслимо.

И дѣйствительно, было совершенно невозможно и немыслимо.

И однако—мы оба уѣхали. Сонъ этотъ я видѣла числа 11 или 12, а 22 декабря мать моя скончалась. Я пожелала похоронить ее въ монастырѣ, и такъ какъ мы при жизни никогда не разставались съ ней, то я и теперь рѣшила поселиться поближе къ мѣсту ея вѣчнаго покоя. И, такимъ образомъ, переселеніе наше, казавшееся невозможнымъ, состоялось.

Когда стали готовить столъ для покойницы и я сняла икону, чтобы поставить ее въ изголовьѣ, во всемъ домѣ не оказалось болѣе подходящаго по величинѣ и формѣ столика, какъ именно рабочій

столикъ матери, который и подали мнѣ и на которомъ я видѣла икону стоящей во снѣ.

Замѣчательно, что вся семья моей матери: отецъ, мать, братья и сестра умерли въ понедѣльникъ, а мать скончалась въ субботу, то есть въ день, посвященный чествованiю Божiей Матери, отпѣвали ее на второй день Рождества, когда празднуется Соборъ Пресвятой Богородицы, въ церкви Тихвинской Божiей Матери; по перевезенiи въ монастырь гробъ съ ея прахомъ поставленъ былъ въ храмъ Рождества Богородицы и погребенiе состоялось опять-таки въ день, посвященный Божiей Матери, то есть въ субботу.

К. Икскуль.

